

Убийство в доме викария

Автор:

Агата Кристи

Убийство в доме викария

Агата Кристи

Мисс Марпл #1

В этом романе впервые появляется одна из любимых героинь Агаты Кристи – мисс Джейн Марпл. Эта дотошная и обаятельная пожилая леди, проживающая в деревне Сент-Мэри-Мид, способна распутывать самые головоломные ситуации, лишь ненадолго отвлекаясь от вязания и пропалывания сорняков в любимом саду. Первым расследованием мисс Марпл станет убийство полковника Протеро. Слишком многие в деревне мечтали о смерти этого неприятного типа: даже викарий, в доме которого совершено убийство, может попасть под подозрение!

Агата Кристи

Убийство в доме викария

Agatha Christie

THE MURDER AT THE VICARAGE

© 1930 Agatha Christie Limited. All rights reserved AGATHA CHRISTIE, MISS MARPLE and the Agatha Christie Signature are registered trade marks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved

© Павлычева М.Л., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Розалинде

Глава 1

Трудно решить, с чего начать эту историю, но я остановил свой выбор на той среде, когда мы все сидели за столом и обедали. Беседа не имела отношения к тому, о чем пойдет речь в моем рассказе, но некоторые опрометчивые высказывания впоследствии повлияли на ход событий.

Я закончил разделявать кусок вареного мяса (кстати, на удивление жесткого), занял свое место и в духе, совершенно не подобающем моему сану, заметил, что любой, кто прикончил бы полковника Про?теро, оказал бы миру большую услугу.

Мой юный племянник Деннис тут же сказал:

– Ваши слова вспомнят и используют против вас, когда старикана найдут в луже собственной крови. Мэри даст свидетельские показания, правда, Мэри? И расскажет, как вы угрожающе размахивали кухонным ножом.

Мэри, которая рассматривает работу в моем доме как ступеньку к лучшей жизни и к более высокому жалованью, громко, по-деловому, произнесла: «Овощи» – и с вызовом сунула ему под нос треснувшее блюдо.

Моя жена с сочувствием осведомилась:

– Неужели он и в самом деле так невыносим?

Я ответил не сразу, потому что в этот момент Мэри, плюхнув на стол блюдо с овощами, взяла миску с совершенно недоваренными и страшно неприглядными клецками и поднесла ее мне. Я сказал: «Нет, спасибо», и она в сердцах почти швырнула миску на стол и ушла.

– Жаль, что я такая ужасная домохозяйка, – сказала моя жена с искренним сожалением.

Я был склонен согласиться с ней. Мою жену зовут Гризельдой[1 - Героиня, известная своей покорностью мужу, терпением и стойкостью в испытаниях, чей образ переключался из фольклора в книгу Дж. Боккаччо «Декамерон».], и это имя как нельзя лучше соответствует ее статусу супруги приходского священника. Но на этом соответствие заканчивается. В ней нет ни капли кротости и смирения.

Я всегда придерживался мнения, что священник не должен связывать себя узами брака. Зачем я после двадцати четырех часов знакомства упрямил Гризельду выйти за меня, до сих пор не понимаю. Брак, считал я, дело серьезное, и к нему следует подходить с осторожностью и после долгих размышлений, причем совпадение вкусов и наклонностей было для меня наиважнейшим условием.

Гризельда почти на двадцать лет младше меня. Она ошеломительно красива и абсолютно не способна воспринимать что-либо всерьез. Она некомпетентна во всех отношениях, и жить с ней невыносимо. Она относится к приходу как к большому увеселительному мероприятию, устроенному ради ее развлечения. Я пытался заниматься ее развитием, но потерпел неудачу. И лишний раз убедился в том, что целибат[2 - Целибат – обет безбрачия.] крайне желателен для духовенства. Я нередко намекал на это Гризельде, однако она лишь смеялась в ответ.

– Моя дорогая, – сказал я, – если б ты приложила хоть немного усилий...

– Иногда прилагаю, – перебила меня Гризельда. – Но мне кажется, что от моих попыток дела становятся только хуже. Ясно, что от природы мне не дано быть домохозяйкой. Поэтому я прихожу к выводу, что будет лучше, если я оставлю все на Мэри и смирюсь с неудобствами и невкусной едой.

– А как насчет твоего мужа, дорогая? – с упреком спросил я и, следуя примеру дьявола, который ради своих нужд цитировал Священное Писание, добавил: – «Она наблюдает за хозяйством в доме своем...»[3 - Прит. 31:27.]

– Только подумай, как тебе повезло, что тебя не порвут на части львы, – быстро заявила Гризельда. – Или что тебя не сожгут заживо. Плохая еда, и пыль, и дохлые мухи – все это не стоит того, чтобы поднимать шум. Расскажи мне еще о полковнике Протеро. Во всяком случае, первым христианам повезло в том, что у них не было церковных старост.

– Напыщенный старый грубиян, – сказал Деннис. – Неудивительно, что первая жена сбежала от него.

– А что ей оставалось? Не представляю, – сказала моя жена.

– Гризельда, – резко произнес я, – я не потерплю, чтобы ты говорила такие вещи!

– Дорогой, – ласково произнесла моя жена, – расскажи мне о нем. В чем проблема? В том, что мистер Хоуз на каждом шагу кланяется и крестится?

Хоуз – это мой новый заместитель. Он приехал к нам чуть более трех недель назад; придерживается взглядов Высокой церкви[4 - Направление в англиканской церкви, выступающее за сохранение обрядности и иерархичности в противовес характерной для протестантизма тенденции сделать эти стороны церковной жизни как можно менее важными. Из-за этого часто воспринимается как тяготеющее к католичеству.] и постится по пятницам. Полковник же Протеро – величайший противник обрядов в любой форме.

– На этот раз нет. Этого он коснулся мимоходом. А вот главная проблема возникла из-за несчастной банкноты миссис Прайс-Ридли.

Миссис Прайс-Ридли – истово верующий член нашей общины. На утренней службе в годовщину смерти своего сына она положила банкноту в один фунт в мешок для пожертвований. А позже, читая вывешенный перечень пожертвований, с болью в сердце обнаружила, что самой крупной из упомянутых была банкнота в десять шиллингов.

Она пожаловалась мне на это, и я ответил, вполне резонно, что она, должно быть, ошиблась. «Мы уже не так молоды, как были, – сказал я, стараясь потактичнее донести до нее свою мысль. – И должны смириться с издержками преклонных лет».

Как ни поразительно, мои слова, кажется, лишь распалили ее. Миссис Прайс-Ридли сказала, что все это выглядит довольно странно и что ее удивляет, что я придерживаюсь иного мнения. Она удалилась и, полагаю, отправилась со своими проблемами к полковнику Протеро. Последний относится к тем людям, кому нравится устраивать шум по каждому поводу. Вот он его и устроил. Жалко, что произошло это в среду. По утрам в среду я преподаю в церковной школе, эта деятельность вызывает у меня острую нервозность и лишает спокойствия на остаток дня.

– Что ж, думаю, и он должен получать от чего-то удовольствие, – сказала моя жена, стараясь, судя по всему, занять беспристрастную позицию. – Никто не трепещет перед ним и не называет «дорогим викарием», и не вышивает для него домашние тапочки жуткого вида, и не дарит ему толстые шерстяные носки на Рождество. И жена, и дочь – обе сыты им по горло. Полагаю, он счастлив донельзя, когда чувствует себя такой важной персоной.

– Он зря так разошелся из-за этого, – не без горячности воскликнул я. – Сомневаюсь, что он осознавал скрытый смысл того, о чем говорил. Он хочет проверить всю церковную бухгалтерию на предмет растрат – именно это слово он и использовал. Растрат! Он подозревает меня в присвоении церковных фондов?

– Никто никогда ни в чем тебя не заподозрил бы, дорогой, – ответила Гризельда. – Ты настолько прозрачен, что стоишь выше всяких подозрений, так что, думаю, это великолепный шанс. Я была бы только рада, если б ты присвоил себе фонды ООРЕ[5 - Объединенное общество распространения Евангелия – миссионерская организация англиканской церкви.]. Ненавижу миссионеров – всегда ненавидела.

Я бы упрекнул ее за подобные высказывания, но в этот момент вошла Мэри с недоваренным рисовым пудингом. Я вяло запротестовал, но Гризельда сказала, что японцы всегда едят рис недоваренным, и, как следствие, у них отлично работают мозги.

– Осмелюсь заметить, – добавила она, – что если б ты ел вот такой рисовый пудинг каждый день до воскресенья, то читал бы самые чудесные проповеди.

– Упаси Господи, – сказал я, содрогнувшись. – Завтра вечером к нам придет Протеро, и мы с ним вместе проверим счета. Сегодня я должен закончить свою речь для ОМАЦ[6 - Общество мужчин англиканской церкви.]. Когда я искал одну ссылку, меня так увлекла «Реальность» каноника Ширли, что я совсем забросил работу. Гризельда, что ты делаешь сегодня днем?

– Исполняю обязанности, – ответила Гризельда. – Свои обязанности жены викария. Чай и обмен сплетнями в половине пятого.

– А кто будет?

Гризельда с усердием принялась загибать пальцы:

– Миссис Прайс-Ридли, мисс Уэзерби, мисс Хартнелл и эта ужасная мисс Марпл.

– А мне мисс Марпл нравится, – сказал я. – У нее хотя бы есть чувство юмора.

– Она главная сплетница в деревне, – сказала Гризельда. – Она всегда знает, что происходит, и делает из этого отвратительные умозаключения.

Гризельда, как я уже говорил, значительно моложе меня. А к моему возрасту человек уже успевает уяснить, что самое отвратительное обычно оказывается правдой.

– Ну а меня, Гризельда, к чаю не жди, – сказал Деннис.

– Чудовище! – воскликнула Гризельда.

Деннис счел благоразумным трубить отступление, а мы с Гризельдой вдвоем прошли в мой кабинет.

– Интересно, что у нас будет к чаю, – сказала жена, усаживаясь на мой письменный стол. – Доктор Стоун и мисс Крам, полагаю, еще, возможно, миссис Лестрендж. Кстати, я вчера заходила к ней, но ее не было дома. Да, на чай у нас

точно будет миссис Лестрендж. Все это так таинственно, правда? Вот так вот приехала сюда, поселилась в доме и практически не выходит... Сразу вспоминаются детективные истории. Ну, ты понимаешь: «Что это за таинственная дама с лицом красивым, но бледным? Какое у нее прошлое? Никто не знает. В ней проглядывает нечто зловещее». Думаю, доктору Хейдоку кое-что о ней известно.

– Ты читаешь слишком много детективов, Гризельда, – мягко заметил я.

– А ты? – отпарировала она. – На днях, когда ты сидел здесь и сочинял проповедь, я по всему дому искала «Пятно на лестнице». А когда зашла к тебе и спросила, не видел ли ты книгу, что я обнаружила?

У меня хватило такта покраснеть.

– Я случайно подобрал ее. Мое внимание привлекло одно предложение и...

– Знаю я такие предложения, – сказала Гризельда и с выражением процитировала: – «А потом случилось нечто любопытное: Гризельда встала, прошла через комнату и страстно поцеловала своего пожилого мужа». – Свои слова она сопровождала действием.

– Разве это нечто любопытное? – спросил я.

– Естественно, – ответила Гризельда. – Лен, ты хоть понимаешь, что я могла бы выйти за министра, за баронета, за богатого владельца компании, за трех офицеров и за бездельника с приятными манерами, но вместо всех их выбрала тебя? Тебя это не удивляет?

– Когда-то удивляло, – ответил я. – Я часто задавался вопросом, почему ты так сделала.

Гризельда рассмеялась.

– Я вознеслась на самую вершину, – сказала она. – Другие считали меня просто красивой и, естественно, горели желанием заполучить меня. С тобой же все было по-другому. Я олицетворяла для тебя все, что тебе не нравится и что ты

осуждаешь, однако ты не смог устоять! Мое тщеславие не могло выдержать такого испытания. Гораздо приятнее быть тайным и упоительным грехом, чем служить броским украшением. В моем обществе ты испытываешь чудовищную неловкость, и я постоянно вынуждаю тебя сворачивать с правильного пути, однако ты все равно обожаешь меня до безумия. Ты обожаешь меня до безумия, не так ли?

– Естественно, я люблю тебя, дорогая.

– О Лен, ты обожаешь меня. Ты помнишь тот день, когда я осталась в городе и послала тебе телеграмму, которую ты так и не получил, потому что почтальонша забыла принести ее тебе из-за того, что ее сестра рожала близнецов? Помнишь, в каком ты был состоянии, как звонил в Скотленд-Ярд, какой страшный шум ты поднял?

Есть вещи, которые люди не любят вспоминать. Тогда я действительно почему-то повел себя глупо.

– Дорогая, если ты не возражаешь, я хотел бы заняться ОМАЦ, – сказал я.

Гризельда возмущенно фыркнула, взъерошила мне волосы, потом пригладила их и сказала:

– Ты меня не достоин. На самом деле не достоин. Придется завести роман с художником. И ведь заведу... по-настоящему. Только представь, какой скандал разразится в приходе.

– У нас и так множество скандалов, – мягко проговорил я.

Гризельда рассмеялась, послала мне воздушный поцелуй и удалилась через французское окно[7 - Окно во всю стену или в большую часть стены как в ширину, так и в высоту, фактически – гибрид окна и застекленной двери.] кабинета.

Гризельда крайне невыносима. Вставая из-за обеденного стола, я был в хорошем расположении духа и горел желанием приготовить действительно сильную речь для Общества мужчин англиканской церкви. Сейчас же мною овладели беспокойство и смятение.

Когда я вернул себе душевное равновесие и собрался сесть за работу, в кабинет вплыла Леттис Протеро.

Я использовал слово «вплыла» обдуманно. Я читал романы, в которых про молодых людей говорят, что из них ключом бьет энергия: *joie de vivre* [8 - Радость жизни (фр.)], прекрасная живость молодости... Мне же почему-то всю жизнь попадались молодые люди, похожие на призраки во плоти.

Сегодня Леттис особенно сильно напоминала такой призрак. Она милая девочка, высокая, светловолосая, но совершенно не от мира сего. Она вплыла через французское окно, рассеянно сняла желтый берет и с каким-то отстраненным удивлением произнесла:

– О, это вы...

От Олд-Холла через лес идет тропинка, которая выводит к калитке в наш сад, поэтому очень многие в стремлении сократить путь не обходят дом, чтобы зайти через парадную дверь, а напрямик идут к окну кабинета. Я не удивился, когда Леттис вошла через окно, а вот ее реакция на мое присутствие меня слегка обидела. Если ты приходишь в дом викария, то должен быть готов к тому, что встретишь викария.

Она прошла в кабинет, бесформенной кучей плюхнулась в одно из глубоких кресел и, глядя в потолок, принялась рассеянно дергать себя за волосы.

– Деннис здесь?

– Я не видел его с обеда. Как я понял, он собирался к вам, играть в теннис.

– О! – сказала Леттис. – Надеюсь, он к нам не пошел. Он там никого не найдет.

– Он говорил, что ты сама его пригласила.

– Наверное, пригласила. Только на пятницу. А сегодня вторник.

– Сегодня среда, – сказал я.

– О, какой ужас! – сказал Леттис. – Это значит, что я в третий раз забыла прийти на обед к одним людям... – К счастью, это, судя по всему, ее не очень расстроило. – А Гризельда здесь?

– Полагаю, ты найдешь ее в студии в саду – она там позирует Лоуренсу Реддингу.

– Ну и кипеж у нас был из-за него, – сказал Леттис. – С отцом, понятное дело. Отец просто ужас.

– И что стало причиной этого ки... как там? – спросил я.

– А то, что он писал меня. Отец узнал об этом. И почему нельзя писать меня в купальном костюме? Если я выхожу в нем на пляж, почему меня нельзя в нем писать? – Леттис помолчала и продолжила: – Это же полнейший абсурд: отец запрещает пускать молодого человека в дом. Естественно, мы с Лоуренсом просто ошалели. Я приду сюда и буду позировать ему в вашей студии.

– Нет, моя дорогая, – сказал я. – Нет, раз отец тебе запрещает.

– О Господи, – со вздохом произнесла Леттис. – Какие все зануды. Я в расстроенных чувствах. Определенно. Будь у меня хоть немного денег, я бы уехала, но без денег не могу. Вот если б отец проявил порядочность и умер... Тогда все было бы замечательно.

– Нельзя говорить такие вещи, Леттис.

– Ну а если он не хочет, чтобы я хотела его смерти, он не должен впадать в такой раж из-за денег. Неудивительно, что мама бросила его. Между прочим, я все годы верила, что она умерла. А тот молодой человек, с которым она сбежала? Каким он был? Приятным?

– Это было до того, как твой отец переехал сюда.

– Интересно, что с ней стало. Думаю, Энн вскорости закрутит с кем-нибудь роман. Энн ненавидит меня – она держится со мной вполне благопристойно, но ненавидит меня. Она стареет, и ей это не нравится. Бежит от возраста, понятное дело.

Интересно, спросил я себя, не собирается ли Леттис провести в моем кабинете весь остаток дня.

– Вы не видели мои грампластинки, а?

– Нет.

– Вот незадача... Я знаю, что где-то их оставила. А еще я потеряла собаку. И свои наручные часы, только это не страшно, потому что они не ходят. О Господи, мне так хочется спать... Не понимаю, почему – ведь я встала только в одиннадцать. Но жизнь ужасно сокрушительна, вам не кажется? О Господи, я должна идти. В три я собираюсь на курган доктора Стоуна – хочу взглянуть на раскопки.

Я покосился на часы и обратил ее внимание на то, что сейчас уже без двадцати пяти четыре.

– Ой! Разве? Какой ужас. Интересно, они еще ждут – или уехали без меня? Наверное, стоит сходить туда и все выяснить. – Она встала и выплыла наружу, слабым голосом произнесла: – Вы передадите Деннису, да?

Я автоматически ответил «да» и только потом сообразил, что не знаю, что нужно передавать. Но, поразмыслив немного, пришел к выводу, что это и не важно. Гораздо большую пищу для размышлений мне дал доктор Стоун, известный археолог, который недавно заселился в «Голубого кабана» и взялся руководить раскопками кургана, расположенного на землях Протеро. Между ним и полковником состоялся уже не один диспут. Меня удивило и позабавило то, что он решил показать Леттис, как идут работы.

Я вдруг подумал, что Леттис Протеро по своему складу самая настоящая кокетка. И мне стало интересно, как она поладит с секретаршей археолога, мисс

Крам. Последняя – разумная молодая женщина двадцати пяти лет, бойкая, яркая и очень жизнерадостная. Глядя на ее улыбку, думаешь, будто у нее зубов больше, чем положено.

Мнение деревни разделилось: одни полагают, что она так себе, ничего выдающегося, другие считают женщиной крепчайших моральных устоев, которая поставила себе цель при первой же возможности стать миссис Стоун. Она во всех отношениях – полная противоположность Леттис.

Я отлично представлял, как обстоят дела в Олд-Холле – далеко не радостно. Несколько лет назад полковник Протеро снова женился. Вторая миссис Протеро отличалась красотой, правда, довольно необычной. Я всегда подозревал, что в отношениях между ней и падчерицей не все гладко.

Мне опять помешали. На этот раз пришел Хоуз, заместитель. Он хотел узнать подробности моих переговоров с Протеро. Я сказал ему, что полковник порицает его «римско-католические склонности», но что на самом деле цель его визита состояла совсем в другом. Затем я изложил ему собственные претензии и прямым текстом заявил, что Хоуз должен подчиняться моим решениям. В общем и целом он воспринял мои замечания очень хорошо.

После его ухода меня охватили глубочайшие угрызения совести за то, что я его недолюбливаю. Испытывать иррациональные симпатии и антипатии к другим людям, на мой взгляд, совершенно не по-христиански.

Я со вздохом обнаружил, что стрелка часов на моем письменном столе указывает на три четверти пятого, а это означает, что половина пятого уже миновала, поэтому я встал и направился в малую гостиную.

Там, с чашками в руках, собрались четыре моих прихожанки. Гризельда сидела за чайным столиком и пыталась выглядеть естественно в окружающей обстановке, но преуспела только в том, что казалась еще более неестественной, чем обычно.

Я обменялся со всеми рукопожатиями и сел между мисс Марпл и мисс Уэзерби.

Мисс Марпл – седая пожилая дама с мягкими, очень приятными манерами, мисс Уэзерби – смесь ядовитости с сентиментальностью. Из этих двоих мисс Марпл

куда более опасна.

– Мы тут, – сладчайшим, как мед, голосом произнесла Гризельда, – говорили о докторе Стоуне и мисс Крам.

У меня в памяти тут же всплыл довольно грубый стишок Денниса: «Мисс Крам плевать на срам». Мне вдруг захотелось произнести это вслух и посмотреть, каков будет эффект, но, к счастью, я сдержался.

– Ни одна приличная девушка на это не пошла бы, – сухо заявила мисс Уэзерби и с осуждением поджала тонкие губы.

– На что? – поинтересовался я.

– Не стала бы секретаршей неженатого мужчины, – полным ужаса голосом ответила мисс Уэзерби.

– Ах, моя дорогая, – сказала мисс Марпл, – а вот я думаю, что женатые мужчины гораздо хуже. Вспомните бедняжку Молли Картер.

– Женатые мужчины, живущие отдельно от своих жен, конечно, пользуются дурной славой, – сказала мисс Уэзерби.

– И даже те, которые живут вместе с женами, – пробормотала мисс Марпл. – Я помню...

Я прервал ее воспоминания о всяких мерзостях, сказав:

– Но в наши дни девушка может работать на тех же должностях, что и мужчина.

– И уехать в глубокую провинцию? И остановиться в той же гостинице? – строго осведомилась миссис Прайс-Ридли.

– И оба номера на одном этаже... – тихо проговорила мисс Уэзерби, обращаясь к мисс Марпл.

Мисс Хартнелл, закаленная и жизнерадостная, гроза бедняков, громко и искренне произнесла:

– Бедняга и глазом не успеет моргнуть, как его захомут. Он невинен, как нерожденный младенец, это и так видно.

Любопытно, какие странные обороты мы используем в своей речи. Ни одной из присутствующих дам не пришло бы в голову сослаться на младенца, если только это не какой-нибудь младенец, мирно спящий в колыбельке у всех на виду.

– Отвратительно, вот что я считаю, – со своей обычной бестактностью продолжила мисс Хартнелл. – Ведь он как минимум на двадцать пять лет старше ее.

Три дамы заговорили одновременно, высказывая разрозненные замечания насчет пикника мальчиков из хора, прискорбного инцидента на прошлом собрании матерей и сквозняков в церкви. Мисс Марпл подмигнула Гризельде.

– Вам не кажется, – сказала моя жена, – что мисс Крам просто рада иметь интересную работу? И что она воспринимает доктора Стоуна лишь как своего работодателя?

Наступила тишина. Очевидно, что ни одна из четырех дам не была с этим согласна. Молчание нарушила мисс Марпл.

– Моя дорогая, – сказала она, хлопая Гризельду по руке, – вы очень молоды. А у молодых помыслы всегда невинны.

Гризельда с негодованием заявила, что помыслы у нее отнюдь не невинны.

– Конечно, – сказала мисс Марпл, не обращая внимания на это возражение, – вы думаете обо всех только хорошо.

– Вы действительно считаете, что она хочет выйти за лысого и скучного?

– Как я понимаю, он вполне обеспечен, – ответила мисс Марпл. – Хотя, надо признать, характер у него довольно взрывной. На днях у них с полковником была

серьезная ссора.

Все с любопытством подались вперед.

– Полковник Протеро обвинил его в невежестве.

– Как это в духе полковника, и как это абсурдно, – сказала миссис Прайс-Ридли.

– То, что это в духе полковника, я согласна, но не вижу ничего абсурдного, – сказала мисс Марпл. – Вспомните ту женщину, которая приехала сюда и заявила, что она представляет благотворительную организацию, а потом, собрав пожертвования, исчезла, и о ней больше никто не слышал. Оказалось, что она не имеет никакого отношения к той организации. Люди доверчивы и склонны оценивать других людей по своим меркам.

Мне и в голову не пришло бы назвать мисс Марпл доверчивой.

– Скандал случился из-за молодого художника, мистера Реддинга, не так ли? – спросила мисс Уэзерби.

Мисс Марпл кивнула.

– Полковник Протеро отказал ему от дома. Как выясняется, он писал Леттис в купальном костюме.

– Я всегда думала, что между ними что-то есть, – сказала миссис Прайс-Ридли. – Этот молодой человек постоянно болтается по округе без дела. Жаль, что у девочки нет матери. А мачеха – это совсем другое.

– Осмелюсь заметить, что миссис Протеро старается изо всех сил, – сказала мисс Хартнелл.

– Юные барышни такие коварные, – с сожалением произнесла миссис Прайс-Ридли.

– Самый настоящий роман, да? – воскликнула мягкосердечная мисс Уэзерби. – Он очень привлекательный молодой человек.

– Но распущенный, – сказала мисс Хартнелл. – Иначе и быть не может. Художник! Париж! Модели! Обнаженная натура!

– Писать ее в купальном костюме, – проговорила миссис Прайс-Ридли. – Крайне нескромно.

– Он и меня пишет, – сказала Гризельда.

– Но не в купальном же костюме, дорогая, – сказала мисс Марпл.

– Может, в чем-нибудь похуже, – абсолютно серьезно заявила Гризельда.

– Проказница, – сказала мисс Хартнелл, воспринимая шутку со всей возможной широтой своих взглядов. У остальных же на лицах появилось слегка ошарашенное выражение.

– А наша дорогая Леттис рассказывала вам о скандале? – обратилась ко мне мисс Марпл.

– Мне?

– Да. Я видела, как она прошла через сад к окну в кабинет.

Мисс Марпл всегда все видит. Забота о саде служит отличным прикрытием, да и из наблюдения за птичками через мощный бинокль всегда можно извлечь определенную пользу.

– Да, она что-то упоминала, – ответил я.

– А вот у мистера Хоуза вид был обеспокоенным, – сказала мисс Марпл. – Надеюсь, он не перетруждает себя.

– Ой! – возбужденно вскричала мисс Уэзерби. – Я совсем забыла. У меня есть для вас кое-какая новость. Я видела, как доктор Хейдок выходил из дома миссис Лестрендж.

Все переглянулись.

– Возможно, она заболела, – предположила миссис Прайс-Ридли.

– Если так, то болезнь свалила ее очень неожиданно, – сказала мисс Хартнелл. – Потому что я видела, как она гуляла по саду в три часа дня – и выглядела абсолютно здоровой.

– Должно быть, они с доктором Хейдоком давние знакомые, – продолжила высказывать предположения миссис Прайс-Ридли. – Только он хранит молчание по этому поводу.

– Любопытно, – сказала мисс Уэзерби, – что он никогда не упоминал об этом.

– Между прочим... – произнесла Гризельда тихим, таинственным голосом и замолчала. Все подались вперед еще больше. – Так уж получилось, что я знаю, – торжественно провозгласила она. – Ее муж – миссионер. Ужасная история. Его съели, вот какое дело. В прямом смысле съели. А она вынуждена была стать старшей женой вождя. Доктор Хейдок был в экспедиции и спас ее.

У присутствующих на мгновение восторженно загорелись глаза, но всеобщее возбуждение тут же улеглось, едва мисс Марпл с упреком, но и с улыбкой сказала:

– Проказница! – Она с неодобрением похлопала Гризельду по руке. – Это очень неблагоприятно с вашей стороны, моя дорогая. Таким историям, люди, как правило, верят. И это может создать массу сложностей.

От собрания ощутимо повеяло холодом. Две дамы встали и собрались уходить.

– Интересно, а на самом деле есть ли что-нибудь между Лоуренсом Реддингом и Леттис Протеро? – спросила мисс Уэзерби. – Похоже, что есть. Что вы скажете, мисс Марпл?

Та, кажется, задумалась.

– Я сомневаюсь. Если есть, то не с Леттис. С кем-то еще, я бы так сказала.

– Но полковник Протеро, должно быть, решил...

– Я всегда считала полковника чрезвычайно глупым человеком, – сказала мисс Марпл. – Он из тех, кто склонен вбивать себе в голову неправильные идеи и упорно отстаивать их. Помните Джо Бакнелла, который держал «Голубого борова»? Был какой-то шум из-за его дочери, которая якобы связалась с молодым Бейли. А выяснилось, что роман закрутила его распутница-жена.

Пока мисс Марпл говорила, ее взгляд был прикован к Гризельде, и я вдруг ощутил приступ дикого бешенства.

– Вам не кажется, мисс Марпл, – сказал я, – что мы все склонны давать слишком много воли своим языкам? Любовь не мыслит зла[9 - 1Кор. 13:4-5.], как известно. Глупая болтовня и злобные сплетни могут причинить неисчислимый вред.

– Дорогой викарий, – сказала мисс Марпл, – вы такой неискушенный. Боюсь, что те, кто столь же долго, как я, наблюдает за человеческой природой, не ожидают ничего хорошего. Осмелюсь заметить, хоть праздная болтовня чрезвычайно порочна и несет с собой только зло, однако она очень часто оказывается правдой, не так ли?

Выпустив эту парфянскую стрелу[10 - Сокрушительный довод перед выходом из спора. Жизнь крылатой фразе дала кавалерийская тактика древнего народа парфян (хотя она применялась не только ими), которые при отступлении резко разворачивались и выпускали в противника тучу стрел.], мисс Марпл пошла домой.

Глава 3

– Противная старая ведьма, – сказала Гризельда, едва за ними закрылась дверь. Она скорчила гримасу вслед ушедшим гостям, потом посмотрела на меня и рассмеялась. – Лен, неужели ты и в самом деле подозреваешь меня в связи с Лоуренсом Реддингом?

– Конечно нет, моя дорогая.

– Но ты подумал, что мисс Марпл намекает на это. И ринулся на защиту – это было так красиво. Ты был как... как яростный тигр.

Мне стало неловко. Священник англиканской церкви никогда не должен ставить себя в такое положение, когда его могут назвать яростным тигром.

– Я почувствовал, что это тот самый случай, когда нужно возразить, – сказал я. – Только мне очень хотелось бы, чтобы ты, Гризельда, чуть более тщательно следила за тем, что говоришь.

– Ты имеешь в виду эту историю с каннибалами? – спросила она. – Или предположение, что Лоуренс писал меня обнаженной? Если б они знали, что он пишет меня в тяжелой накидке с высоким меховым воротником... в общем, в таком виде, в каком ты вправе предстать перед Папой: даже крохотный кусочек греховной плоти скрыт от чужого взгляда! На самом деле все абсолютно целомудренно. Лоуренс даже ни разу не попытался заняться со мной любовью – не понимаю почему.

– Наверняка потому, что ты замужняя женщина...

– Лен, не притворяйся, будто ты прямиком с Ноева ковчега. Ты отлично знаешь, что привлекательная молодая женщина, имеющая пожилого мужа, – это своего рода дар небес для молодого человека. Должно быть, есть другие причины, и дело вовсе не в том, что я непривлекательна. Я очень привлекательна.

– Но ты же не хочешь, чтобы он занимался с тобой любовью?

– Н-нет, – ответила Гризельда с бо?льшим сомнением, чем я ожидал.

– Если он влюблен в Леттис Протеро...

– Мисс Марпл кажется, что не влюблен.

– Мисс Марпл может ошибаться.

– Она никогда не ошибается. Такие старые ведьмы всегда оказываются правы. – Она помолчала минуту и, покосившись на меня, сказала: – Ведь ты веришь мне, да? В том, что между мной и Лоуренсом ничего нет.

– Моя дорогая Гризельда, – сказал я, удивленный. – Конечно.

Жена подошла ко мне и поцеловала.

– Жаль, что тебя, Лен, так легко обмануть. Ты согласишься всему, что бы я ни сказала.

– И, надеюсь, не зря... И все же, моя дорогая, я очень прошу тебя следить за своим языком и быть осторожной в высказываниях. Помни: у этих кумушек чудовищная нехватка чувства юмора, они всё воспринимают всерьез.

– Капельки безнравственности – вот чего им не хватает, – сказала Гризельда. – Тогда они бы не искали с таким ожесточением безнравственность в поступках других людей.

С этими словами она вышла из комнаты, а я, посмотрев на часы, поспешил с визитами, которые следовало бы нанести значительно раньше.

Явка на обычную для среды вечернюю службу была, как и ожидалось, скудной, и к тому моменту, когда я, разоблачившись в ризнице, вышел из алтарной части, все уже разошлось, и только одна женщина стояла и смотрела на окна. У нас сохранились старинные витражи, да и сама церковь достойна внимания. Женщина повернулась на звук моих шагов, и я увидел, что это миссис Лестрендж.

Мгновение мы оба колебались, потом я сказал:

– Надеюсь, вам нравится наша маленькая церковь.

– Я любовалась витражами, – сказала она. Ее очень приятный голос звучал отчетливо, она обладала великолепной дикцией. – Мне очень жаль, что я вчера не застала вашу супругу, – добавила она.

Мы еще несколько минут поговорили о нашей церкви. Мне стало ясно, что миссис Лестрендж – образованная женщина и разбирается в истории церкви и архитектуре. Мы вместе вышли на улицу и пошли по дороге, так как нам было по пути, только мой дом находился чуть дальше. Когда мы остановились у ее калитки, она любезно сказала:

– Прошу вас, заходите. Мне будет интересно узнать ваше мнение о том, как я тут все переделала.

Я принял приглашение. Литтл-Гейтс раньше принадлежал полковнику, служившему в Индии, и я не мог не испытать облегчение, увидев, что из коттеджа исчезли медные восточные столики и бирманские идола. Обстановка была очень простой, но элегантной. В доме царила атмосфера гармонии и покоя.

Однако меня все сильнее и сильнее занимал вопрос, что привело в Сент-Мэри-Мид такую женщину, как миссис Лестрендж. Она явно была из тех людей, которые любят жизнь, поэтому мне казалось странной ее склонность похоронить себя в деревне.

В яркой освещенной гостиной я получил возможность впервые разглядеть эту женщину.

Она отличалась высоким ростом. Золотистые волосы имели легкий рыжеватый оттенок. Я так и не смог понять, природа ли наделила ее темными бровями и ресницами или же ее собственная рука. Если все же она, как я предполагал, наложила косметику, то сделала это с высочайшим умением. В ее лице в спокойном состоянии было нечто от сфинкса, а глаза меня просто поразили: я никогда не видел такого удивительного золотистого цвета.

Она была одета с безупречным вкусом и обладала непринужденностью хорошо воспитанной женщины, однако в ней присутствовал некий диссонанс, придававший ей определенную загадочность. Сразу чувствовалось, что это женщина-загадка. Мне в голову пришло слово, прозвучавшее из уст Гризельды: «зловещая». Нелепость, конечно, – впрочем, почему нелепость? В сознание закралась непрошенная мысль: «Эта женщина не остановится ни перед чем».

Наша беседа шла в обычном направлении: живопись, книги, старые церкви. Однако я не мог избавиться от впечатления, что миссис Лестрендж хочет

рассказать мне что-то еще, нечто совершенно иного характера.

Раз или два я ловил на себе ее взгляд: она смотрела на меня с любопытством и сомнением, как будто никак не могла принять решение. И продолжала говорить, как я заметил, на строго обезличенные темы. Ни мужа, ни родственников она ни разу не упомянула. Однако в ее взгляде читался некий странный призыв, настоятельная просьба. Взгляд как бы говорил: «Рассказать вам? Я очень хочу. Вы поможете мне?»

В конечном итоге этот призыв исчез – возможно, он просто был плодом моего воображения. Я почувствовал себя так, словно меня отвергли. Я встал и собрался уходить. Идя через комнату, я оглянулся и увидел, что миссис Лестрендж озадаченно, с сомнением смотрит мне вслед. Поддавшись порыву, я вернулся.

– Я могу чем-нибудь...

Она неуверенно произнесла:

– Это очень любезно с вашей стороны...

Мы замолчали. Наконец, она сказала:

– Если б я знала... Это так трудно... Нет, думаю, никто не в силах мне помочь. Но все равно спасибо, что предложили свою помощь.

Ее слова показались мне окончательными, поэтому я ушел. Однако от мучивших меня вопросов не избавился. Ведь мы тут, в Сент-Мэри-Мид, не привыкли к тайнам.

Так уж сложилась судьба, что, когда я вышел из калитки, на меня натолкнулась мисс Хартнелл. Она мастерски умеет наталкиваться на людей и не давать им прохода.

– Я вас видела! – воскликнула она с тяжеловесным восторгом. – И я так обрадовалась. Теперь вы все нам расскажете.

– О чем?

– Об этой таинственной даме! Она вдова или у нее где-то есть муж?

– Но я ведь не знаю. Она мне не рассказывала.

– Как странно... Любой предположил бы, что она упомянет в разговоре кого-нибудь, так, между прочим. Складывается впечатление, не так ли, что у нее есть причины ничего не рассказывать?

– На самом деле я не вижу никаких причин.

– Ах! Но, как говорит наша дорогая мисс Марпл, вы совершенно неискушены, мой дорогой викарий. Скажите, она давно знает доктора Хейдока?

– Она не заговаривала о нем, поэтому я не знаю.

– Вот как? Так о чем же вы тогда беседовали?

– О живописи, музыке, литературе, – совершенно правдиво ответил я.

Мисс Хартнелл, у которой единственной темой для разговора были личные дела других, посмотрела на меня с подозрением и недоверием. Воспользовавшись заминкой, пока она размышляла, какой вопрос задать следующим, я пожелал ей спокойной ночи и быстро пошел прочь.

По дороге я нанес еще один визит и только после этого направился к себе домой. Я прошел в свой сад через садовую калитку, и для этого мне пришлось миновать опасный участок, где меня могла увидеть мисс Марпл. Я не допускал мысли, что весть о моем визите к миссис Лестрендж уже достигла ее ушей – ведь это было за пределами человеческих возможностей, – поэтому чувствовал себя в относительной безопасности.

Когда я задвигал щеколду на калитке, мне в голову пришла идея пройти в сарай, который молодой Лоуренс Реддинг использовал в качестве студии, и своими глазами взглянуть на то, как продвигается портрет Гризельды.

Тут я прилагаю грубый набросок, который окажется полезным в свете дальнейших событий, причем включу в него только самые необходимые детали.

Я не предполагал, что в студии кто-то есть. Я не слышал голосов, которые могли бы предупредить меня, да и мои шаги по траве были абсолютно бесшумными. Поэтому, открыв дверь, я замер на пороге, охваченный смятением. В студии было два человека: мужчина обнимал женщину и страстно целовал ее.

Эти двое были художник Лоуренс Реддинг, и миссис Протеро.

Я попятился, быстро вышел из студии и поспешил в свой кабинет. Там сел в кресло, достал курительную трубку и принялся обдумывать ситуацию. Открытие стало для меня огромным шоком. Ведь именно после сегодняшнего разговора с Леттис во мне окрепла уверенность в том, что между ней и молодым человеком установилось более-менее прочное взаимопонимание. Более того, я пришел к выводу, что и сама она так думает. Я был уверен, что она не подозревает о чувствах художника к ее мачехе.

Неприятный поворот. Я, пусть и с большой неохотой, вынужден был отдать должное мисс Марпл. Она не дала себя обмануть и, очевидно, имела полное представление об истинном положении вещей. Я же совершенно неправильно понял ее многозначительный взгляд, обращенный к Гризельде.

Мне и в голову не пришло рассматривать миссис Протеро в таком аспекте. Она воспринималась как жена Цезаря[11 - «На мою жену не должна падать даже тень подозрения», – говорит Цезарь в его жизнеописании авторства Плутарха, разводясь со своей супругой Помпеей после того, как ее поклонник пытался увидеться с ней, – говорит, не разбираясь, отвечает ли она поклоннику взаимностью, и принимая во внимание только сам факт настойчивости поклонника (пер. К. Лампсакова и Г. Стратаковского). Отсюда «жена Цезаря» – женщина вне подозрений.]. Никто бы не заподозрил, что эта тихая, сдержанная женщина способна на глубокое и сильное чувство.

Когда я в своих размышлениях подошел к этому умозаключению, в окно кабинета постучали. Я встал и подошел к нему. За окном стояла миссис Протеро. Я открыл окно, и она влетела внутрь, не дожидаясь от меня приглашения, пронеслась через комнату и рухнула на диван.

У меня возникло ощущение, что я вижу ее впервые. Та тихая, сдержанная женщина, которую я хорошо знал, исчезла. А вместо нее появилось задыхающееся, охваченное отчаянием создание. Я только сейчас понял, что Энн Протеро красива.

На бледном лице, обрамленном каштановыми волосами, выделялись глубоко посаженные серые глаза. Сейчас она была взволнована, и ее грудь учащенно вздымалась и опускалась. Казалось, будто внезапно ожила статуя. Хлопая глазами, я с изумлением смотрел на эту трансформацию.

– Я решила, что лучше прийти, – сказала она. – Вы... вы ведь нас видели?

Я кивнул.

Она очень тихо произнесла:

– Мы любим друг друга...

Несмотря на явное страдание и нервное возбуждение, Энн Протеро все же не смогла сдержать слабую улыбку. Улыбку женщины, которая видит нечто очень красивое и замечательное. Я все еще молчал, и она, не вытерпев, спросила:

– Как я понимаю, вам все это кажется неправильным?

– А вы, миссис Протеро, ожидали от меня чего-то другого?

– Нет... нет, наверное, нет.

Я продолжил, прилагая все силы к тому, чтобы мой голос звучал как можно мягче:

– Вы замужняя женщина...

– Ой, знаю, знаю, – перебила она меня. – По-вашему, я не задумываюсь об этом снова и снова? На самом деле я не плохая... нет. И все совсем не так... не так... не так, как вам видится.

– Рад этому, – серьезно сказал я.

Она довольно робко спросила:

– Вы расскажете моему мужу?

Я довольно сухо ответил:

– Кажется, существует распространенное мнение, что священник не способен вести себя по-джентльменски. Это неправда.

Она посмотрела на меня с благодарностью.

– Я так несчастна... Ах! Я ужасно несчастна. Так не может продолжаться. Я просто не могу так жить дальше. И я не знаю, что делать. – Ее голос зазвучал громче, в нем появились истеричные нотки. – Вы не знаете, во что превратилась моя жизнь. Я страдаю с первых дней жизни с Люциусом. Ни одна женщина не будет с ним счастлива. Как бы я хотела, чтобы он умер... Это ужасно, но я действительно этого хочу... Я в безвыходном положении. Поверьте, в безвыходном. – Она вздрогнула и повернулась к окну. – Что это было? Мне показалось, там кто-то есть? Наверное, это Лоуренс.

Я подошел к окну. Я думал, что закрыл его, но оказалось, что это не так. Я вышел наружу и оглядел сад, но никого не увидел. И все же я был почти уверен, что тоже что-то услышал. Или, возможно, на меня повлияла ее убежденность.

Когда я вернулся в комнату, миссис Протеро сидела, наклонившись вперед и уронив голову на руки – само олицетворение отчаяния. Наконец она снова заговорила:

– Я не знаю, что делать. Я не знаю, что делать.

Я сел рядом с ней и стал говорить ей то, что считал своим долгом сказать, попытавшись вложить в эти слова необходимую уверенность. Говоря все это, я с немалой долей неловкости осознавал, что только сегодня утром сам высказался в том смысле, что мир без полковника Протеро стал бы только лучше.

Кроме всего прочего, я попросил ее ничего не делать сгоряча. Ведь бросить мужа и уйти из дома – это очень серьезный шаг.

Не думаю, что я убедил ее. Я прожил на этом свете достаточно долго, чтобы понять: спорить с влюбленным человеком практически бесполезно. И все же, думаю, мои слова послужили для нее хоть каким-то утешением.

Собравшись уходить, миссис Протеро поблагодарила меня и пообещала обдумать все, что я ей сказал.

Однако после ее ухода тревога не покинула меня. Я с горечью осознал, что неверно оценил характер Энн Протеро. Сейчас же я увидел в ней отчаявшуюся женщину, которая ни перед чем не остановится и пойдет на поводу у своих бурных эмоций. Я понимал, что она дико, безумно, страстно влюблена в Лоуренса Реддинга, человека на несколько лет младше ее. И вот это мне не нравилось.

Глава 4

Я совсем забыл, что в тот вечер мы ждали на ужин Лоуренса Реддинга. Когда Гризельда ворвалась ко мне и с упреком напомнила, что до назначенного времени осталось две минуты, я был немало ошарашен.

– Надеюсь, все будет в порядке, – крикнула она мне уже с лестницы. – Я обдумала то, что ты сказал за обедом, и нашла несколько довольно вкусных блюд.

Позволю себе мимоходом заметить, что наша вечерняя трапеза лишь подтвердила слова Гризельды о том, что ее вмешательство усугубляет ситуацию. Меню было составлено самое изысканное, и Мэри, кажется, получала

извращенное удовольствие, прилагая все усилия к тому, чтобы либо не доварить, либо пережарить. Устриц, заказанных Гризельдой которые, в общем-то, застрахованы от вмешательства некомпетентного кулинара, мы, к сожалению, так и не смогли отпробовать, так как в доме было нечем открыть их, а обнаружилось это, только когда их подали на стол.

У меня имелись сомнения насчет того, появится ли у нас Лоуренс Реддинг. Я допускал, что он запросто откажется под каким-нибудь предлогом.

Однако он появился, причем минута в минуту, и мы вчетвером сели ужинать.

Лоуренс Реддинг обладает неоспоримой привлекательностью. Ему, как я полагаю, лет тридцать. У него темные волосы, а глаза поразительно яркого, завораживающего голубого цвета. Он из тех молодых людей, у которых все всегда получается и спорится. Он великолепный рассказчик и хороший актер-любитель, неплохо играет в разные игры и отлично стреляет. Он умеет быть душой компании. Думаю, в нем течет ирландская кровь. Он далек от сложившегося образа художника, однако я уверен, что он хороший художник, пишущий в современной манере. Я плохо разбираюсь в изобразительном искусстве.

Вполне естественно, что в тот вечер Лоуренс был немного *distract*[12 - Рассеянным (фр.).]. Однако держался он отлично. Думаю, ни Гризельда, ни Деннис ничего не заметили. Вероятно, я тоже ничего не заметил бы, если б не знал.

Гризельда и Деннис от души веселились – шутили насчет доктора Стоуна и мисс Крам, которую называли Ходячий Скандал. Я вдруг ощутил болезненный укол, когда ко мне пришло осознание того, что Гризельде Деннис гораздо ближе по возрасту, чем я. Ко мне он обращается «дядя Лен» и на «вы», а к ней – по имени и на «ты». Почему-то я почувствовал себя очень одиноким.

Думаю, меня выбил из колеи инцидент с миссис Протеро. Обычно я не предаюсь столь пустым размышлениям.

Гризельда и Деннис иногда позволяли себе в шутках много лишнего, но у меня не было желания приструнить их. Я всегда с сожалением отмечал, что одно лишь присутствие священника подавляет людей.

Лоуренс принимал активное участие в веселье. Однако я видел, что его взгляд то и дело останавливается на мне, и меня не удивило, когда после ужина он устроил все так, что мы вдвоем оказались в кабинете.

Как только мы остались одни, его манеры тут же изменились.

– Вы случайно узнали нашу тайну, сэр, – сказал он. – Что вы собираетесь с этим делать?

С Реддингом мне было говорить гораздо проще, чем с миссис Протеро, и я без обиняков изложил ему свою точку зрения. Молодой человек воспринял это спокойно.

– Конечно, – сказал он, когда я закончил, – вы обязаны говорить все это. Вы пастырь. Я не имею в виду ничего оскорбительного. Между прочим, я считаю, что вы правы. Но то, что есть между мной и Энн, нельзя отнести к обычной связи.

Я сказал ему, что люди с незапамятных времен повторяют именно эти слова, и его губы искривила слабая улыбка.

– Вы утверждаете, что все считают свою ситуацию уникальной? Возможно, и так. Но в одно вы должны поверить.

Реддинг заверил меня, что «ничего предосудительного в этом нет». Энн, сказал он, едва ли не самая честная и верная жена на свете. Как быть дальше, он не знает.

– Если б это был сюжет романа, – мрачно усмехнулся Реддинг, – старик должен был бы умереть – счастливое избавление для всех.

Я упрекнул его.

– О! Я не хотел сказать, что собираюсь воткнуть ему нож в спину, хотя я искренне поблагодарю того, кто это сделает. На свете нет ни единой души, которая могла сказать о нем доброе слово. Удивляюсь, как первая миссис Протеро не прикончила его... Я когда-то, много лет назад, познакомился с ней, и

она, судя по виду, вполне была способна на такое. Она как тот тихий омут, в которых водятся черти. Опасная женщина. Что до него, то он вечно сотрясает воздух, сеет вокруг себя одни проблемы, страшно алчен да к тому же наделен чудовищно мерзким характером. Вы не представляете, как Энн натерпелась от него. Будь у меня деньги, я бы без долгих разговоров увез ее отсюда.

После этого заговорил я. Я со всей серьезностью попросил его уехать из Сент-Мэри-Мид. Оставаясь здесь, он только усугубляет страдания Энн Протеро, на долю которой и так выпало немало испытаний. Начнутся пересуды, слухи дойдут до полковника Протеро – и ее жизнь станет просто невыносимой.

Лоуренс запротестовал.

– Никто о нас ничего не знает, кроме вас, падре[13 - Здесь и далее: видимо, обращение «падре» (так именуют лишь католических священников, а местный викарий – англиканин) следует отнести на счет творческой экзальтированности художника.].

– Дорогой мой, вы недооцениваете сыскные инстинкты местных обитателей. О ваших сердечных делах в Сент-Мэри-Мид знает каждый. В Англии нет сыщиков, равных незамужним женщинам неопределенного возраста, имеющим кучу свободного времени.

Он беззаботно заявил, что ничего тут страшного нет. Все считают, что у него роман с Леттис.

– А вы хоть раз задумывались о том, – спросил я, – что по этому поводу думает сама Леттис?

Эта мысль, кажется, удивила его. У Леттис, сказал он, ничего к нему нет. Он в этом уверен.

– Она довольно необычная девушка, – сказал Реддинг. – Кажется, что она все время грезит, и все же я считаю, что под этой мечтательностью кроется вполне практичная натура. Я считаю, что это своего рода поза. Леттис отдает себе полный отчет в своих действиях. В ней есть определенная мстительность, что выглядит забавно. Между прочим, она не выносит Энн. Просто люто ненавидит ее. Энн же всегда была с ней сущим ангелом.

Я, естественно, не воспринял его последние слова на полном серьезе. Одержимым страстью молодым людям возлюбленная всегда видится ангелом. И все же, по моим наблюдениям, Энн всегда относилась к своей падчерице по-доброму и со всей возможной справедливостью. Поэтому сегодня днем меня удивила та горечь, что прозвучала в голосе Леттис.

Нам пришлось на этом закончить разговор, так как в кабинет вбежали Гризельда и Деннис и потребовали, чтобы я отпустил Лоуренса и не превращал его в старого зануду.

– О боже! – воскликнула Гризельда, падая в кресло. – Я просто мечтаю о сенсации. Такой, чтобы повергла нас в трепет. Например, об убийстве... или хотя бы ограблении.

– Сомневаюсь, что здесь есть те, кого стоит грабить, – сказал Лоуренс, подлаживаясь под ее настроение. – Если только не считать богатой добычей вставные зубы мисс Хартнелл.

– Они так ужасно щелкают, – сказала Гризельда. – Но вы ошибаетесь насчет того, что среди нас нет достойных объектов для грабежа. В Олд-Холле много изумительного старинного серебра. Солонки, например, и ваза времен Карла Второго[14 - Король Англии, Шотландии и Ирландии в 1660–1685 гг.] – в общем, все в таком роде. Стоит, я полагаю, тысячи фунтов.

– Старик пристрелил бы тебя из своего армейского револьвера, – сказал Деннис. – Ведь он так любит пострелять.

– Да ну, мы опередили бы его и скрутили бы ему руки! – сказала Гризельда. – У кого есть револьвер?

– У меня есть «Маузер», – сказал Лоуренс.

– У вас?.. Как интересно. А зачем он вам?

– На память о войне, – коротко ответил Реддинг.

– Сегодня старик Протеро показывал свое серебро Стоуну, – сообщил Деннис. – А тот делал вид, будто ему совсем не интересно.

– А я думала, что они поссорились из-за кургана, – сказала Гризельда.

– О, они уже помирились! – сказал Деннис. – Я вообще не понимаю, почему людям так нравится рыться в курганах.

– Этот человек, Стоун, ставит меня в тупик, – проговорил Лоуренс. – Он, наверное, чрезвычайно рассеянный. Иногда я готов поклясться, что он не разбирается в собственном предмете.

– Это все любовь, – усмехнулся Деннис. – Милая Глэдис Крам, фальши в тебе ни на грамм. Жемчуг зубов твоих – я в восторге от них. Едем, едем со мной, стань моею женой. Там, в «Голубом кабане», нежно прижмись ко мне...

– Хватит, Деннис, – строго произнес я.

– Что ж, – сказал Лоуренс Реддинг. – Вероятно, мне пора. Большое вам спасибо, миссис Клемент, за чрезвычайно приятный вечер.

Гризельда и Деннис пошли его провожать. Последний вернулся в кабинет один. Кажется, случилось нечто, что раздосадовало его. Он принялся ходить взад-вперед по комнате, хмурясь и пиная мебель.

Наша мебель так ветха, что столь небрежное обращение уже не могло сильно повредить ей, однако я все же выразил определенное недовольство.

– Извините, – сказал Деннис. Некоторое время он молчал, и вдруг его прорвало. – Какая же мерзость эти сплетни!

Меня слегка удивила подобная эмоциональность.

– В чем дело? – спросил я.

– Не знаю, следует ли мне рассказывать вам...

Мое удивление только усилилось.

– Это чудовищная мерзость, – снова заговорил Деннис. – Ходить по округе и рассказывать всякую чушь. Вернее, даже не рассказывать. А лишь намекать. Нет, будь я проклят – прошу прощения, – если расскажу вам! Это просто отвратительно.

Я с любопытством оглядел его, но настаивать не стал. Однако его слова очень заинтересовали меня. Это совсем не в духе Денниса – принимать что-либо так близко к сердцу.

В этот момент в кабинет вошла Гризельда.

– Только что звонила мисс Уэзерби, – сказала она. – Миссис Лестрендж вышла из дома в четверть девятого и до сих пор не вернулась. Никто не знает, куда она пошла.

– А почему они должны знать?

– К доктору Хейдоку она не приходила. Мисс Уэзерби точно знает это, потому что она звонила мисс Хартнелл, которая живет рядом с ним и которая наверняка увидела бы ее.

– Для меня тайна, – сказал я, – как у нас в деревне не умирают с голоду. Должно быть, все едят, стоя у окон, чтобы что-нибудь не пропустить.

– И это еще не всё, – радостно добавила Гризельда. – Они всё выяснили насчет «Голубого кабана». У доктора Стоуна и мисс Крам номера рядом, но... – она многозначительно помахала пальчиком, – между ними нет общей двери!

– Наверное, – заметил я, – это страшно всех разочаровало.

В ответ Гризельда от души рассмеялась.

Четверг начался плохо. Двум моим прихожанкам, благородным дамам средних лет, вздумалось поссориться из-за убранства церкви. Меня призвали рассудить их. Обеих в буквальном смысле трясло от ярости. Если б ситуация не была столь

мучительной, стоило бы полюбоваться на такой интересный природный феномен.

После этого мне пришлось распекать двоих мальчиков из хора за то, что они сосут леденцы во время богослужения, и у меня осталось неприятное ощущение, что я выполняю свою работу не от всего сердца, как следовало бы.

Затем наш органист, чрезвычайно «чувствительная» натура, обиделся на что-то, и мне пришлось успокаивать его.

Потом четверо из моих беднейших прихожан открыто взбунтовались против мисс Хартнелл, и та в страшном гневе прибежала ко мне.

Я шел домой, когда встретил полковника Протеро. Облеченный властью мирового судьи, он только что вынес приговор трем браконьерам и теперь пребывал в приподнятом настроении.

– Твердость! – прокричал полковник своим зычным голосом. Он слегка глуховат и поэтому, как часто делают глухие люди, говорит громче обычного. – Именно в этом мы сейчас испытываем нужду – в твердости! Приведу пример. Вчера ко мне заявился этот жулик Арчер и стал грозить местью. Дерзкий мерзавец... Как говорится в пословице, те, кому угрожают, живут долго. В следующий раз, когда я застукаю его за ловлей моих фазанов, я покажу ему, чего стоят его угрозы. Попустительство! В нас мало строгости! Я твердо убежден: каждому должно воздаваться по его делам. А тут постоянные просьбы принять во внимание наличие жены и детей... Полнейшая чепуха, черт побери! Вздор. С каких это пор скулеж по поводу жены и детей должен избавлять человека от последствий его же деяний? Для меня все едины. Если кого-то – не важно, кого: доктора, адвоката, священника, браконьера, пьяницу – поймали по ту сторону закона, закон должен наказать его. Вы согласны со мной, я уверен.

– Вы забываете о том, – сказал я, – что мой сан обязывает меня ставить превыше всех одно качество – милосердие.

– Ну а я за справедливость. Никто не может этого отрицать. – Я промолчал, и он резко добавил: – Почему вы молчите? Ну-ка, рассказывайте, что думаете по этому поводу!

Я заколебался, но все же решил ответить.

– Думаю, – проговорил я, – что когда настанет мой час, будет очень прискорбно, если единственным оправданием для меня послужит моя справедливость. Потому что это будет означать, что надо мной будут вершить суд, основываясь только на справедливости...

– Тьфу! Воинствующее христианство – вот что нам нужно. Я всегда исполнял свой долг, надеюсь... Ладно, хватит об этом. Как я уже сказал, я приду сегодня вечером. В четверть седьмого, а не в шесть, как мы договаривались, если вас это устроит. Мне нужно кое-кого повидать в деревне.

– Меня это вполне устроит.

Он взмахнул своей палкой и пошел прочь. Повернувшись, я натолкнулся на Хоуза. Мне показалось, что он выглядит больным. Я собирался мягко упрекнуть его за различные накопившиеся упущения в его вотчине, но, увидев бледное лицо, понял, что бедняга плохо себя чувствует.

Я так ему об этом и сказал, но мой помощник принялся отрицать, правда, без особого энтузиазма. Наконец он признался, что нездоров, и, кажется, с готовностью воспринял мой совет отлежаться в постели.

Я в спешке пообедал и снова отправился с визитами. Гризельда на дешевом четверговом поезде поехала в Лондон.

Я вернулся примерно без четверти четыре с намерением набросать проповедь на воскресенье, но Мэри сообщила, что меня дожидается мистер Реддинг.

Я нашел его в кабинете, он с обеспокоенным видом мерил шагами комнату. Его лицо было бледным и изможденным.

Лоуренс резко повернулся, услышав, как я вошел.

– Знаете, сэр, я много думал над тем, что вы сказали мне вчера. Из-за этого я не спал всю ночь. Вы правы. Я должен порвать с ней и уехать.

– Мой дорогой мальчик, – произнес я.

– Вы были правы в отношении Энн. Оставаясь здесь, я создаю ей лишние проблемы. Она... она слишком хороша для такой жизни. Я понимаю, что должен уехать. Я и так очень сильно осложнил ей жизнь, да простится мне это.

– Уверен, вы приняли единственно возможное решение, – сказал я. – Знаю, решение трудное, но, поверьте, в конечном итоге вы увидите, что оно пойдет всем во благо.

По его лицу я понял, что он думает: легко говорить о том, о чем не имеешь никакого представления.

– Вы позаботитесь об Энн? Она нуждается в друге.

– Не сомневайтесь: я сделаю все, что в моих силах.

– Спасибо, сэр. – Лоуренс пожал мне руку. – Вы хороший человек, падре. Сегодня вечером я увижусь с ней, чтобы попрощаться, потом соберу вещи и завтра же уеду. Нет смысла затягивать агонию. Спасибо, что разрешили использовать сарай в качестве студии. Прошу простить за то, что не закончил портрет миссис Клемент.

– Не переживайте из-за этого, мальчик мой. До свидания, да благословит вас Господь.

После его ухода я пытался работать над проповедью, но без особого успеха. Мои мысли то и дело возвращались к Лоуренсу и Энн Протеро.

Я выпил чашку довольно невкусного чаю, холодного и без молока, а в половине шестого зазвонил телефон. Мне сообщили, что умирает мистер Эбботт из Лоуэр-Фарм, и попросили прийти как можно скорее.

Я тут же позвонил в Олд-Холл, так как до Лоуэр-Фарм было почти две мили и я мог не успеть вернуться к назначенному сроку в четверть седьмого. Я так и не научился ездить на велосипеде.

Однако мне сообщили, что полковник Протеро только что уехал в своем автомобиле, поэтому я отправился в путь, попросив Мэри передать полковнику, что меня вызвали и что я буду дома к половине седьмого или чуть позже.

Глава 5

Было значительно позже полседьмого, почти семь, когда я подходил к своему дому. Неожиданно калитка распахнулась, и из моего сада вышел Лоуренс Реддинг. При виде меня он замер как вкопанный, меня же поразило его вид. Он выглядел как безумец: глаза выпучены, кожа мертвенно-белого цвета, весь трясется и дергается... У меня в голове даже промелькнула мысль, что он напился, однако я тут же отогнал ее.

– Здравствуйте, – сказал я, – вы хотели еще раз повидаться со мной? Извините, у меня было срочное дело. Только что вернулся. Сейчас я буду занят, у меня назначена встреча с полковником Протеро – нам нужно кое-что обсудить, – но она не займет много времени.

– Протеро, – произнес он. И начал смеяться. – Протеро? У вас назначена встреча с Протеро? О, вот вы и встретитесь с Протеро! О господи... да!

Я изумленно уставился на него и, поддавшись порыву, протянул к нему руку. Он резко отскочил и почти выкрикнул:

– Нет! Я должен уйти... чтобы подумать. Мне нужно подумать. Я должен подумать.

Реддинг побежал и исчез за поворотом дороги, ведущей к деревне. Я же стоял и смотрел ему вслед, и меня снова посетила мысль о том, что он пьян.

Спустя несколько мгновений я повернулся и, качая головой, прошел в сад. Парадная дверь у нас никогда не запирается, однако я все равно позвонил. На звонок вышла Мэри, вытирая руки фартуком.

– Наконец-то вы вернулись, – заявила она.

– Полковник Протеро пришел? – спросил я.

– В кабинете. Сидит там с четверти седьмого.

– А мистер Реддинг тоже заходил?

– Пришел несколько минут назад. Вас спрашивал. Я сказала ему, что вы вернетесь с минуты на минуту и что полковник Протеро ждет вас в кабинете, а он сказал, что тоже подождет, и пошел туда. Он и сейчас там.

– Нет, там его уже нет, – возразил я. – Я только что встретил его на улице.

– Ну, значит, я не слышала, как он ушел. Он пробыл там не больше пары минут. Хозяйка еще не вернулась из города.

Я рассеянно кивнул. Мэри ретировалась на кухню, а я прошел по коридору и открыл дверь в кабинет.

Я заморгал, когда после полумрака коридора мне в глаза ударил яркий свет заходящего солнца. Сделав один или два шага, я замер, будто громом пораженный.

До меня не сразу дошло увиденное.

Полковник Протеро в неестественной позе лежал на моем письменном столе. Рядом с его головой натекла лужица какой-то темной жидкости, и эта жидкость капала на пол с до жути размеренным «кап-кап-кап».

Я собрался с духом и подошел к нему. Его кожа на ощупь была прохладной. Я поднял его руку, а когда выпустил, она безжизненно упала вниз. Полковник был мертв – убит выстрелом в голову.

Я вернулся к двери и позвал Мэри. Когда она пришла, я велел ей со всех ног бежать за доктором Хейдоком, который жил на углу. Я сказал ей, что у нас случилось несчастье, после чего закрыл дверь и стал ждать доктора.

К счастью, доктор оказался дома. Хейдок хороший парень, большой, рослый и широкоплечий, с честным, слегка грубоватым лицом.

Его брови поползли вверх, когда я молча указал ему на стол. Но, как истинный врач, он не выразил никаких эмоций – лишь склонился над умершим и стал быстро осматривать его. Потом выпрямился и повернулся ко мне.

– Ну? – спросил я.

– Он мертв довольно давно... с полчасца, я бы сказал.

– Самоубийство?

– Исключено, дружище. Взгляните на расположение раны. Кроме того, если он сам стрелял в себя, где оружие?

А ведь верно, никакого оружия поблизости не было.

– Мы не должны ничего трогать, – сказал Хейдок. – Я звоню в полицию.

Он взял трубку, как можно короче изложил факты, затем положил трубку на место, подошел ко мне и сел рядом.

– Хуже некуда. Как он тут оказался?

Объяснив, я спросил слабым голосом:

– Это... это убийство?

– Похоже на то. А что же еще? Удивительное дело. Интересно, у кого был зуб на старика? Конечно, я знаю, что он не пользовался популярностью, но людей редко убивают из-за неприязни. И вот нате...

– Есть одна очень любопытная деталь, – сказал я. – Сегодня днем мне позвонили и вызвали к умирающему прихожанину. Когда я пришел туда, встретили меня с крайним удивлением. Больной выглядел значительно лучше, чем несколько дней

назад, а его жена категорически отрицала, что звонила мне.

Хейдок свел брови на переносице.

– Это наводит на размышления... да еще какие. Вас убрали с дороги. Где ваша жена?

– Уехала в Лондон на целый день.

– А горничная?

– На кухне... в противоположной части дома.

– А это говорит о том, что она, вероятнее всего, не слышала, что происходит здесь. Гиблое дело... Кто знал, что Протеро собирается к вам сегодня вечером?

– Он во всеуслышание объявил об этом на всю деревню сегодня днем, когда мы стояли на улице.

– То есть об этом знала вся деревня? Хотя они и так узнали бы. Известно, кто был настроен против него?

Мне сразу вспомнился Лоуренс Реддинг, бледный, с выпученными глазами. Ответить мне помешали шаги в коридоре за дверью.

– Полиция, – объявил мой друг и встал.

Нашу полицию представлял констебль Хёрст. Вид у него был важный, но при этом слегка встревоженный.

– Добрый вечер, джентльмены, – поздоровался он с нами. – Инспектор прибудет с минуты на минуту. А пока я буду следовать его указаниям. Как я понимаю, полковник Протеро был найден мертвым – его убили в доме викария...

Он замолчал и устремил на меня полный холодного подозрения взгляд, на который я ответил с подобающей в этой ситуации озабоченной невинностью.

Констебль передвинулся к письменному столу и объявил:

– Ни к чему не прикасаться до приезда инспектора.

Для удобства читателей я прилагаю план комнаты.

Полисмен достал блокнот, послюнил карандаш и выжидательно посмотрел на нас обоих. Я повторил свою историю о том, как обнаружил тело. Записав все – на это ушло некоторое время, – констебль обратил свой взор на доктора.

– Доктор Хейдок, что, по вашему мнению, стало причиной смерти?

– Выстрел в голову с близкого расстояния.

– А оружие?

– Не могу точно ответить на этот вопрос, пока не извлеку пулю. Но должен сказать, что, по всей вероятности, пуля была выпущена из пистолета малого калибра – к примеру, из «маузера» двадцать пятого калибра.

Я вздрогнул, вспомнив наш вчерашний разговор и слова Лоуренса Реддинга. Полицейский констебль тут же впился в меня своим ледяным, бесстрастным, как у рыбы, взглядом.

– Вы что-то сказали, сэр?

Я покачал головой. Какие бы ни были у меня подозрения, они всего лишь подозрения, поэтому я буду держать их при себе.

– Когда, по-вашему, произошло это трагическое событие?

Доктор поколебался мгновение и ответил:

– Я бы сказал, что этот человек мертв более получаса. Но точно не дольше.

Хёрст повернулся ко мне.

– Горничная что-нибудь слышала?

– Насколько мне известно, ничего, – ответил я. – Но лучше спросите у нее.

В этот момент прибыл инспектор Слак, две мили от Мач-Бенхэма он проехал на машине.

Об инспекторе Слаке я могу сказать немного, а именно то, что вряд ли найдется другой человек, столь решительно восстающий против своей фамилии[15 - Slack (англ.) – ленивый, вялый, слабый, расхлябанный.]. Этот темноволосый мужчина с цепким взглядом черных глаз отличался неугомонностью и энергичностью, а его манеры – грубостью и крайней властью.

Он ответил на наши приветствия коротким кивком, взял у своего подчиненного блокнот, внимательно прочитал написанное, тихим голосом обменялся парой фраз с констеблем, затем подошел к телу.

– Как я понимаю, тут все уже заляпали и передвинули, – сказал он.

– Я ни к чему не прикасался, – сказал Хейдок.

– Я тоже, – сказал я.

Инспектор некоторое время сосредоточенно смотрел на вещи, расставленные на столе, и изучал лужицу крови.

– О! – не без торжества воскликнул он. – Вот то, что нам надо. Часы опрокинулись, когда он повалился на стол. Это дает нам точное время преступления. Двадцать две минуты седьмого. Доктор, когда, говорите, наступила смерть?

– Я сказал, примерно полчаса назад, но...

Инспектор посмотрел на свои часы.

– Пять минут восьмого. Меня известили десять минут назад, без пяти семь. Тело обнаружили примерно без четверти семь. Как я понимаю, вас вызвали немедленно. Значит, вы осматривали его минут за десять до... Гм, это дает нам возможность установить время с точностью до секунды!

– Я не ручаюсь за точность, – сказал Хейдок. – Это приблизительная оценка.

– Вполне подходит, сэр, вполне.

Я попытался вставить слово:

– Что касается часов...

– Прошу меня извинить, сэр, я сам задам вам вопросы, которые меня интересуют. У нас мало времени. А сейчас мне нужна абсолютная тишина.

– Да, но я хотел бы предупредить вас...

– Абсолютная тишина, – сказал инспектор, бросая на меня свирепый взгляд.

Я удовлетворил его желание.

– Почему он здесь сидел? – проворчал он себе под нос, продолжая таращиться в письменный стол. – Он хотел написать записку... здравствуйте... а это что?

Инспектор с победным видом поднял на вытянутой руке лист бумаги. Он был так доволен своей находкой, что даже разрешил нам подойти к нему и изучить ее вместе с ним.

Это был лист почтовой бумаги с эмблемой прихода, и на верхней строчке стояло время: «6:20».

«Дорогой Клемент, – начиналась записка, – сожалею, дольше ждать не могу, но я должен...»

На этом почерк превращался в нечитаемые каракули.

– Ясно как день, – радостно объявил инспектор Слак. – Он сидит здесь и пишет вот это, враг тихо входит через окно и стреляет в него. Что еще вам надо?

– Я просто хотел бы сказать... – начал я.

– Соблаговолите отойти в сторону, сэр. Я хочу проверить, есть ли отпечатки подошв. – Полицейский встал на карачки и стал продвигаться к открытому окну.

– Думаю, вы должны иметь в виду... – продолжал упорствовать я.

Инспектор поднялся и заговорил без возмущения, но твердо:

– Мы обсудим все это позже. Я буду крайне обязан вам, джентльмены, если вы уйдете отсюда. Будьте любезны, выйдите вон.

Мы подчинились, смирившись с тем, что нас прогнали, как детей.

Казалось, прошло несколько часов, хотя на самом деле было всего четверть восьмого.

– Ну, – произнес Хейдок, – такие вот дела. Когда этот напыщенный осел захочет увидаться со мной, отправьте его в мой кабинет. До свидания.

– Хозяйка вернулась, – доложила Мэри, на минуту появившись из кухни. Ее округлившиеся глаза возбужденно сияли. – Зашла в дом пять минут назад.

Я нашел Гризельду в гостиной. Вид у нее был испуганный, но не подавленный.

Я все рассказал ей, и она меня внимательно выслушала.

– На записке обозначено время: шесть двадцать, – закончил я. – А часы опрокинулись и остановились в шесть двадцать две.

– Да, – проговорила Гризельда, – но разве ты не сказал ему, что мы всегда ставим их на четверть часа вперед?

– Нет, – ответил я. – Не сказал. Он отказался меня выслушать. Я старался изо всех сил.

Гризельда озадаченно нахмурилась.

– Но послушай, Лен, – сказала она, – ведь с учетом всего этого складывается чрезвычайно странная ситуация. Потому что, когда часы показывали двадцать минут седьмого, на самом деле было пять минут седьмого, а в пять минут седьмого полковник Протеро еще не пришел к нам в дом.

Глава 6

Мы некоторое время обсуждали ситуацию с часами, но так и не пришли ни к какому выводу. Гризельда сказала, что я должен еще раз попытаться поговорить об этом с инспектором Слаком, но я сомневался в успехе, потому что мог назвать инспектора лишь упрямым ослом, и никак иначе.

Инспектор Слак вел себя недопустимо грубо, хотя надобности в этом не было. Я с нетерпением ждал момента, когда у меня появится возможность внести свою лепту в расследование и тем самым оконфузить его. Вот тогда я в мягкой форме упрекнул бы его: «Если б вы только выслушали меня, инспектор...»

Я рассчитывал, что он хотя бы переговорит со мной, прежде чем уезжать, но, к нашему удивлению, мы узнали от Мэри, что Слак отбыл, предварительно заперев кабинет и отдав приказ, чтобы никто не входил в комнату.

Гризельда собралась идти в Олд-Холл.

– Это, наверное, страшное испытание для Энн Протеро – полиция и все такое, – сказала она. – Возможно, у меня получится хоть чем-то помочь ей.

Я с энтузиазмом одобрил ее план, и Гризельда отправилась в путь, снабженная инструкцией немедленно звонить мне, если решит, что дамы нуждаются в моем утешении.

После ее ухода я обзвонил учителей воскресной школы – они должны были собраться у меня без четверти восемь для подготовки к занятиям. Такие собрания мы проводили еженедельно, однако сейчас я решил, что при сложившихся обстоятельствах встречу лучше отложить.

Следующим на сцене появился Деннис, вернувшийся с партии в теннис. Тот факт, что в доме произошло убийство, принес ему, по всей видимости, крайнее удовлетворение.

– Как я понимаю, у нас тут убийство! – воскликнул он. – Всегда хотел оказаться в центре таких событий. Почему полиция заперла кабинет? А другой ключ к двери не подойдет?

Я категорически запретил предпринимать нечто подобное. Деннис с явной неохотой подчинился. Вытянув из меня все до мельчайших подробностей, он отправился в сад искать следы, при этом бодро заметив, что нам повезло – убили только старика Протеро, которого все терпеть не могли.

Его веселое бездушие действовало мне на нервы, однако я сказал себе, что придираюсь к мальчику. В возрасте Денниса любое детективное расследование – интереснейшее событие в жизни, и настоящее преступление с трупом, так сказать, на пороге способно доставить любому здравомыслящему подростку массу удовольствия. Смерть мало что значит для шестнадцатилетнего мальчишки.

Гризельда вернулась примерно через час. Она увиделась с Энн Протеро сразу после того, как у вдовы побывал инспектор и сообщил ей горестную весть.

Выяснив, что миссис Протеро в последний раз видела своего мужа в деревне без четверти шесть и что она не располагает никакими сведениями, которые могли бы пролить свет на расследование, Слак отбыл восвояси и пообещал вернуться завтра для более подробного разговора.

– Он вел себя вполне благопристойно, – с неохотой сказала Гризельда.

– Как миссис Протеро приняла известие? – спросил я.

– Ну... она была очень спокойна... но она всегда спокойна.

– Да, – сказал я. – Не могу представить, чтобы Энн Протеро забилась в истерике.

– Естественно, известие стало для нее шоком. Это было видно. Она поблагодарила меня за то, что я пришла, и я спросила, что могу для нее сделать, но она выразила мне признательность и сказала, что я ничем ей помочь не могу.

– Как насчет Леттис?

– Ее не было дома, она где-то играла в теннис и еще не вернулась. – Наступила пауза, потом Гризельда сказала: – Между прочим, Лен, она была очень спокойна – что чрезвычайно странно.

– Шок, – предположил я.

– Да... наверное. И все же... – Гризельда в задумчивости нахмурилась. – Почему-то на шок это было мало похоже. Мне кажется, она была не столько шокирована, сколько... гм... испугана.

– Испугана?

– Да... хотя и не показывала этого. Во всяком случае, не хотела показывать. Вот только взгляд у нее был странный, настороженный. Интересно, Энн догадывается, кто убил его? Она все спрашивала и спрашивала у меня, есть ли подозреваемые.

– Вот как? – задумчиво произнес я.

– Да. Конечно, Энн великолепно умеет владеть собой, но любой увидел бы, что она ужасно расстроена. Даже сильнее, чем я предположила бы, – ведь она как-никак не испытывала к нему особой любви. Думаю, он вызывал у нее неприязнь, хотя допускаю, что неприязнь – это слишком слабо сказано.

– Смерть иногда меняет отношение, – сказал я.

– Да, наверное.

Вошел Деннис и радостно сообщил, что нашел отпечаток чьей-то ноги на цветочной клумбе. Он был уверен, что полиция пропустила его и что этот след станет поворотной точкой в расследовании.

Я провел беспокойную ночь. Деннис встал и ушел задолго до завтрака, намереваясь «изучить последние результаты», как он выразился.

Однако новость, причем сенсационную, принес не он, а Мэри.

Мы только-только сели завтракать, когда она ворвалась в комнату, раскрасневшаяся, с горящими глазами, и со своей обычной бесцеремонностью обратилась к нам:

– Вы не поверите! Мне сейчас рассказал пекарь. Арестовали молодого мистера Реддинга.

– Лоуренса арестовали? – с изумлением воскликнула Гризельда. – Невозможно. Это наверняка какая-то чудовищная ошибка.

– Никакой ошибки, мэм, – с долей злорадства заявила Мэри. – Мистер Реддинг сам к ним пришел и сдался. Вчера вечером, перед сном. Вошел, бросил пистолет на стол и сказал: «Это сделал я». Вот так.

Она оглядела нас обоих, кивнула и удалилась, удовлетворенная произведенным эффектом. Мы с Гризельдой переглянулись.

– Ох, этого не может быть, – сказала жена. – Этого просто не может быть. – Заметив, что я молчу, она спросила: – Лен, ты тоже считаешь, что этого не может быть?

Я обнаружил, что мне трудно дать ей ответ, и продолжал молчать, при этом у меня в голове роились всякие мысли.

– Он, должно быть, помешался, – сказала Гризельда. – Сошел с ума. Или ты думаешь, что они вдвоем разглядывали пистолет и тот случайно выстрелил?

– Такое мне кажется маловероятным.

– Но это наверняка была случайность. Потому что у него нет и намека на мотив. Что, ради всего на свете, могло заставить Лоуренса пойти на убийство полковника Протеро?

Я мог бы ответить на этот вопрос со всей определенностью, но решил как можно дольше оберегать честь Энн Протеро. Я надеялся, что еще есть шанс оградить ее доброе имя.

– Не забывай, они поссорились, – напомнил я.

– Из-за Леттис и ее купального костюма. Да, но это же абсурд, даже если они с Леттис тайно обручились... нет, это не повод убивать ее отца.

– Мы не знаем всех истинных фактов.

– Но ты веришь в это, Лен! Как ты можешь! Я говорю тебе: я уверена, что Лоуренс не прикасался к нему.

– Не забывай, я встретил его у калитки. Он был похож на сумасшедшего.

– Да, но... ох! Это невозможно.

– А еще часы, – сказал я. – Все это объясняет историю с часами. Должно быть, Лоуренс перевел их на шесть двадцать, решив обеспечить себе алиби. И посмотри, как быстро инспектор Слак попался в ловушку.

– Лен, ты ошибаешься. Лоуренс знал, что часы спешат. «Помогают викарию поспевать вовремя!» – часто повторял он. Лоуренс никогда не совершил бы такую ошибку, не перевел бы часы на шесть двадцать две. Он перевел бы стрелки на какое-нибудь другое время – например, на без четверти семь.

– Возможно, он не знал, в котором часу Протеро пришел сюда. Или, вероятно, он просто забыл, что часы спешат.

Гризельда не согласилась со мной.

– Нет, если б человек задумал убийство, он позаботился бы о любой мелочи.

– Ты не можешь этого знать, дорогая, – мягко возразил я. – Ты никогда его не совершала.

Прежде чем Гризельда успела ответить, на наш стол упала тень и мягкий голос произнес:

– Надеюсь, я не помешала. Вы должны простить меня. Но при столь печальных обстоятельствах... очень печальных обстоятельствах...

Это была наша соседка, мисс Марпл. Выслушав наше вежливое уверение, что мы ничего не имеем против, она прошла в комнату через окно, и я подвинул ей стул. Ее щеки окрашивал румянец, а выглядела она слегка возбужденной.

– Ужасно, не так ли? Бедный полковник Протеро... Возможно, он был не самой приятной личностью и не пользовался всеобщей любовью, однако от этого событие не становится менее прискорбным. Как я понимаю, его убили выстрелом здесь, в кабинете?

Я ответил, что все произошло именно так.

– Но нашего дорогого викария в это время здесь не было? – осведомилась мисс Марпл у Гризельды.

Я объяснил, где находился.

– А где мистер Деннис? Почему он не с вами? – спросила мисс Марпл, оглядываясь по сторонам.

– Деннис, – ответила Гризельда, – вообразил себя сыщиком-любителем. Он очень обрадовался, когда нашел отпечаток чьей-то ноги на клумбе и, я думаю, отправился докладывать об этом полиции.

– Ах, боже мой, – проговорила мисс Марпл. – Сколько хлопот, не правда ли? И мистер Деннис считает, что знает, кто совершил преступление. Ну, полагаю, мы все так думаем.

– Вы имеете в виду, что это очевидно? – спросила Гризельда.

– Нет, дорогая. Я не это имела в виду. Я бы сказала, что все рассматривают разных людей в качестве убийцы. Вот поэтому так важно иметь доказательства. Я, к примеру, абсолютно убеждена, что знаю, кто совершил убийство. Но должна признать, что у меня нет ни намека на доказательства. Сейчас настало такое время, когда нужно с особым вниманием – я в этом уверена – следить за тем, что говоришь, ведь клевета уголовно наказуема, не так ли? Я приняла решение соблюдать особую осторожность в общении с инспектором Слаком. Он предупредил, что сегодня утром приедет повидаться со мной, но сейчас позвонил и сказал, что надобность в этом отпала.

– Надобность отпала потому, что, как я понимаю, преступник арестован, – сказал я.

– Арестован? – Мисс Марпл подалась вперед, в ее глазах вспыхнул огонек любопытства. – Я не знала, что кого-то уже арестовали.

Это такая большая редкость, когда мисс Марпл осведомлена о чем-то хуже, чем мы, поэтому я ничтоже сумняшеся думал, что она в курсе подвижек в деле.

– Мне кажется, наши мысли идут в разных направлениях, – сказал я. – Да, преступника арестовали – это Лоуренс Реддинг.

– Лоуренс Реддинг? – Мисс Марпл выглядела чрезвычайно удивленной. – Никогда бы не подумала...

– Я даже сейчас в это не верю, – с горячностью перебила ее Гризельда. – Нет, никогда не поверю, хотя он взял и признался.

– Признался? – произнесла мисс Марпл. – Вы говорите, он признался? О господи, теперь я вижу, что зашла в тупик... я в полнейшем недоумении.

– Я не могу избавиться от ощущения, что все это какое-то нелепое стечение обстоятельств, – сказала Гризельда. – Ты согласен со мной, Лен? Я имею в виду, что именно так выглядит его сдача полиции.

Мисс Марпл еще сильнее подалась вперед.

– Он сам сдался, говорите?

– Да.

– Ох! – глубоко вздохнула мисс Марпл. – Я так рада... я очень рада.

Я посмотрел на нее с некоторым удивлением.

– Полагаю, это свидетельствует о глубоком раскаянии, – сказал я.

– Раскаянии? – Удивление мисс Марпл было гораздо сильнее моего. – Ах, мой дорогой викарий, неужели вы действительно думаете, что он виновен?

Моему изумлению не было предела.

– Но если он признался...

– Да, однако это еще одно доказательство, не так ли? Я имею в виду, доказательство того, что он тут ни при чем.

– Не так, – сказал я. – Возможно, я и глуп, но я не понимаю, как это доказывает его невиновность. Если человек не совершал убийство, я не могу взять в толк, зачем ему делать вид, будто он его совершил.

– О, для этого есть причина! – заявила мисс Марпл. – Это же так естественно. Причина есть всегда, не так ли? А молодые люди такие импульсивные и часто склонны верить в худшее... – Она повернулась к Гризельде. – Вы согласны со мной, дорогая?

– Я... я не знаю, – пробормотала моя жена. – Мне трудно решить, что думать. Я не представляю, по какой причине Лоуренс мог пойти на столь идиотский шаг.

– Если б вы вчера видели его лицо... – начал я.

– А вы расскажите, – предложила мисс Марпл.

Я описал обстоятельства, при которых вернулся домой, и она все внимательно выслушала. Когда я закончил, она сказала:

– Знаю, я часто веду себя глупо и воспринимаю вещи не так, как должна бы, но я все равно не понимаю, к чему вы клоните. Мне кажется, что если б молодой человек принял решение совершить злодеяние и отнять жизнь у своего ближнего, последствия не привели бы его в смятение. Злодеяние было бы совершено обдуманно и хладнокровно, и даже если б убийца немного разволновался и сделал мелкие ошибки, вряд ли он впал бы в то самое состояние крайнего возбуждения, которое вы описываете. Трудно ставить себя на место другого человека, но я не могу представить, какие обстоятельства вынудили бы меня впасть в такое состояние.

– Мы не знаем обстоятельств, – согласился я. – Если была ссора, Лоуренс мог выстрелить сгоряча, а потом ужаснуться тому, что натворил. И в самом деле, я предпочитаю думать, что все именно так и произошло.

– Мой дорогой мистер Клемент, есть много точек зрения, с которых мы предпочитаем смотреть на вещи. Но человек должен принимать факты такими, какие они есть, верно? А в данном случае, мне кажется, факты окрашены в тот тон, который им придает ваша интерпретация. Ваша горничная недвусмысленно заявила, что мистер Реддинг побыл в доме не больше двух минут, то есть не настолько долго, чтобы затеять ссору, которую вы описываете. И еще: как я понимаю, полковник Протеро был убит выстрелом в затылок, когда писал записку, – во всяком случае, мне так рассказала моя горничная.

– Абсолютно верно, – сказала Гризельда. – Он, по всей видимости, писал записку, в которой сообщал, что дольше ждать не может. На записке было проставлено время шесть двадцать, а часы на столе опрокинулись и остановились на шести двадцати двух, и именно это так сильно озадачило Лена и меня.

Она рассказала о нашей привычке ставить часы на пятнадцать минут вперед.

– Очень любопытно, – сказала мисс Марпл. – И в самом деле, очень любопытно... Однако записка кажется мне еще более любопытной. Я имею в виду...

Она замолчала и обернулась. По ту сторону окна стояла Леттис Протеро. Девушка вошла, кивнула нам и произнесла:

– Доброе утро. – Упав в кресло, она более оживленно, чем обычно, сказала: – Как я слышала, Лоуренса арестовали.

– Да, – подтвердила Гризельда. – Для нас это стало страшным шоком.

– Никогда не думала, что кто-то все же убьет отца, – заявила Леттис. Было совершенно очевидно: она гордится тем, что в ее поведении нет ни намека на скорбь или другие эмоции. – Многие хотели бы, я уверена. Временами мне и самой хотелось.

– Леттис, желаешь что-нибудь съесть или выпить? – спросила Гризельда.

– Нет, спасибо. Я тут гуляла и зашла узнать, не видели ли вы мой берет – такой забавный, маленький, желтый... Думаю, я вчера оставила его в кабинете.

– Если и оставила, то он все еще там, – сказала Гризельда. – Мэри никогда ничего не убирает.

– Пойду посмотрю, – сказала Леттис, вставая. – Извините за беспокойство, но я постоянно теряю головные уборы.

– Боюсь, туда сейчас нельзя, – сказал я. – Инспектор Слак запер комнату.

– Ой, вот неудача! А можно пробраться туда через окно?

– Боюсь, что нет. Оно заперто изнутри. А тебе, Леттис, не кажется, что сейчас не время носить желтый берет?

– Вы в смысле траура и всего такого? Я не стану утруждать себя трауром. Я вообще считаю эту идею архаичной. А вот с Лоуренсом получилась неприятность... да, неприятность. – Она вдруг в задумчивости замерла и нахмурилась. – Думаю, все из-за меня и моего купального костюма. Какая глупость вся эта история...

Гризельда открыла было рот, собираясь что-то сказать, но по какой-то необъяснимой причине тут же закрыла его.

На губах Леттис появилась странная улыбка.

– Думаю, – тихо проговорила она, – я пойду домой и расскажу Энн о том, что Лоуренса арестовали.

Она снова прошла через окно.

– Зачем вы наступили мне на ногу? – спросила Гризельда у мисс Марпл.

Старушка улыбалась.

– Я подумала, что вы хотите что-то сказать, моя дорогая. А часто гораздо полезнее позволить событиям развиваться по своему пути. Я, знаете ли, сомневаюсь, что девочка настолько рассеянна, насколько хочет казаться. У нее абсолютно четкий взгляд на жизнь, и она действует в соответствии с ним.

Мэри громко постучала в дверь столовой и сразу вошла.

– В чем дело? – спросила Гризельда. – Кстати, Мэри, ты все время забываешь, что не надо стучаться. Я много раз тебе об этом говорила.

– Думала, вы заняты, – ответила Мэри. – Пришел полковник Мелчетт. Хочет видеть хозяина.

Полковник Мелчетт – это главный констебль, начальник полиции нашего графства. Я сразу встал.

– Я думала, вам не понравится, если я оставлю его в холле, поэтому я провела его в гостиную, – продолжала Мэри. – Убирать со стола?

– Пока нет, – сказала Гризельда. – Я позвоню.

Она заговорила с мисс Марпл, а я вышел из комнаты.

Глава 7

Полковник Мелчетт – франт небольшого роста с привычкой внезапно и неожиданно всхрипывать. У него рыжие волосы и внимательные ярко-голубые глаза.

– Доброе утро, викарий, – поздоровался он. – Грязное дело, а? Бедняга старик Протеро... Не то чтобы он мне нравился. Нет, я не испытывал к нему теплых чувств. Его никто не любил, между прочим. Да и для вас масса неприятных хлопот... Надеюсь, ваша жена не сильно расстроилась?

Я ответил, что Гризельда восприняла новость стойко.

– Вот и хорошо. Мерзко, когда такое происходит в чьем-то доме. Должен признаться, молодой Реддинг меня удивил – взять да застрелить в кабинете... Не заботясь ни о чьих чувствах...

На меня накатило дикое желание расхохотаться, но полковник Мелчетт, вероятно, считал вполне естественной заботу преступника о чувствах окружающих, поэтому я сдержался.

– Должен сказать, что я был здорово ошарашен, когда этот парень пришел и сдался, – продолжал главный констебль, усаживаясь в кресло.

– А как все произошло?

– Вчера вечером примерно в десять входит этот парень, бросает пистолет и говорит: «Вот он я. Это я убил». Прямо так.

– А как он все объяснил?

– Да практически никак. Его, естественно, предупредили насчет показаний. Но он лишь рассмеялся. Сказал, что пришел повидать вас, а нашел здесь Протеро. Они поговорили, и он пристрелил его. Отказывается говорить, из-за чего была ссора. Послушайте, Клемент, только строго между нами, вам что-нибудь известно? До меня доходили слухи, будто ему запретили появляться в доме и все такое. Что там было? Он соблазнил дочку или что? Мы не хотим втягивать девочку больше, чем это необходимо для общего блага. Так в этом было дело?

– Нет, – ответил я. – Поверьте мне на слово: дело было абсолютно в другом. Это все, что я могу сказать в сложившихся обстоятельствах.

Полковник кивнул и встал.

– Рад слышать. А то уж больно много разговоров. В наших краях слишком много женщин... Что ж, мне пора. Я должен увидаться с Хейдоком. Его вызвали к какому-то больному, но сейчас, думаю, он уже вернулся. Я не боюсь признаться вам в том, что мне жаль Реддинга. Он всегда казался мне приличным парнем. Наверное, его как-то можно будет защитить. Последствия войны, контузия или что-то в этом роде. Особенно если не обнаружится путного мотива... Я должен идти. Хотите со мной?

Я ответил, что с удовольствием, и мы отправились в путь.

Дом Хейдока расположен по соседству. Его слуга сообщил, что доктор только сейчас пришел, и провел нас в столовую. Хейдок сидел за столом над горячей яичницей с беконом. Нас он поприветствовал дружелюбным кивком.

– Прошу прощения, что вынужден был уйти. Роды. Я всю ночь работал над вашим делом. Достал для вас пулю.

Он указал на маленькую коробочку на столе. Мелчетт принялся рассматривать ее.

– Двадцать пятый?

Хейдок кивнул.

– Технические детали я оставляю следствию, – сказал он. – Вам же наверняка хочется знать, была ли смерть мгновенной... Вот глупец, ради чего он это сделал? Кстати, примечательно, что никто не слышал выстрел.

– Да, – согласился Мелчетт, – меня это тоже удивляет.

– Окно кухни выходит на противоположную сторону дома, – сказал я. – Если двери в кабинет, в кладовку и на кухню закрыты, вряд ли можно что-то услышать; к тому же в доме не было никого, кроме горничной.

– Гм, – произнес Мелчетт. – И все же это странно. Меня удивляет, что та старушка – как ее зовут, Марпл? – тоже ничего не слышала. Ведь в кабинете было открыто окно.

– Может, и слышала, – сказал Хейдок.

– Сомневаюсь, – покачал головой я. – Она только сегодня была у нас и не говорила ничего такого, а я уверен: она обязательно рассказала бы, если б было что рассказывать.

– Может, слышала, но не обратила внимания, решила, что это автомобильный выхлоп.

Я вдруг осознал, что сегодня утром Хейдок на удивление оживлен и весел. Казалось, он пытается ради приличий подавить хорошее настроение.

– А если на оружии был глушитель? – добавил доктор. – Это вполне вероятно. Никто бы ничего не услышал.

Мелчетт покачал головой.

– Слак не нашел ничего такого рода. Он спросил у Реддинга, а тот, судя по всему, сначала не понял, о чем речь, а потом принялся горячо утверждать, что не пользовался никакими глушителями. Думаю, ему можно верить.

– Да, в самом деле... Бедняга.

– Чтоб ему пусто было, этому молодому дураку, – сказал полковник Мелчетт. – Простите, Клемент. Но он действительно дурак! Ни у кого в голове не укладывается, что он убийца.

– А мотивы? – спросил Хейдок, допивая кофе и отодвигаясь от стола.

– Говорит, что они поссорились, он потерял голову и выстрелил.

– Надеется, что убийство сочтут непредумышленным, да? – Доктор сокрушенно покачал головой. – Все это неубедительно. Он встал позади Проперо, когда тот писал, и выстрелил в голову. Уж больно бурная реакция на «ссору».

– По сути, на настоящую ссору у них не было времени, – сказал я, вспомнив слова мисс Марпл. – На то, чтобы подкрасться к нему, выстрелить, перевести стрелки часов на шесть двадцать и уйти – на это у него ушло бы все время. Я никогда не забуду, какое у него было лицо, когда я встретил его у калитки. «У вас назначена встреча с Протеро? О, вот вы и встретитесь с ним...» Одно это должно было навести меня на подозрения – я сразу должен был догадаться, что именно произошло всего несколько минут назад.

Хейдок уставился на меня.

– В каком смысле – всего несколько минут назад? Когда, по-вашему, Реддинг выстрелил в него?

– За несколько минут до моего возвращения домой.

Доктор энергично замотал головой.

– Невозможно. Абсолютно невозможно. Он был мертв значительно дольше.

– Но вы же сами говорили, друг мой, что полчаса – это лишь приблизительная оценка! – воскликнул полковник Мелчетт.

– Полчаса, тридцать пять минут, двадцать пять минут, двадцать минут – возможно, но не меньше, точно. Ведь иначе тело было бы еще теплым, когда я осматривал его.

Мы изумленно уставились друга на друга. Лицо Хейдока изменилось, оно вдруг стало серым, он словно постарел в одно мгновение. И эта резкая перемена крайне удивила меня.

– Но послушайте, Хейдок, – наконец-то обрел дар речи полковник. – Если Реддинг утверждает, что выстрелил в него без четверти семь...

Хейдок вскочил на ноги.

– Я говорю вам, что это невозможно! – проорал он. – Если Реддинг утверждает, что убил Протеро без четверти семь, значит, он лжет. Тьфу ты, господи, ну я же врач, я знаю, о чем говорю! Кровь начала свертываться.

– Если Реддинг лжет... – начал Мелчетт и, замолчав, покачал головой. – Полагаю, нам стоит пойти в полицию и увидеться с ним.

Глава 8

Всю дорогу до полицейского участка мы молчали. Хейдок придерживал меня и, когда мы немного отстали от Мелчетта, тихо проговорил:

– Мне, знаете ли, не нравится, как все это выглядит. Совсем не нравится. Есть нечто такое, чего мы не понимаем.

Вид у него был чрезвычайно обеспокоенный и расстроенный.

В участке находился инспектор Слак, и вскоре перед всеми нами собственной персоной предстал Лоуренс Реддинг. Бледный и напряженный, он, однако, прекрасно владел собой – вот удивительно, подумал я, если учесть сложившиеся обстоятельства. Мелчетт всхрипывал и хмыкал, явно нервничая.

– Послушайте, Реддинг, – заговорил он, – как я понимаю, вы сделали заявление инспектору Слаку. Вы утверждаете, что пришли в дом викария примерно в шесть сорок пять, обнаружили там Протеро, поругались с ним, выстрелили в него и ушли. Я не перечитываю ваше заявление, просто излагаю суть.

– Да.

– Я хочу задать вам несколько вопросов. Вас уже предупредили, что вы не обязаны отвечать на них и можете делать это только добровольно. Ваш адвокат...

Лоуренс перебил его:

– Мне нечего скрывать. Протеро убил я.

– Ох! Ладно. – Мелчетт всхрипнул. – Как у вас с собой оказался пистолет?

Лоуренс заколебался.

– Он лежал у меня в кармане.

– Вы взяли его с собой, когда пошли к викарию?

– Да.

– Зачем?

– Я всегда беру его с собой.

Реддинг опять колебался, прежде чем ответить, и для меня это стало четким доказательством того, что он лжет.

– Зачем вы перевели часы назад?

– Часы? – Вопрос явно озадачил его.

– Да, стрелки указывали на шесть двадцать две.

На его лице вдруг отразился страх.

– Ах, это... да. Я... я перевел их.

Тут неожиданно заговорил Хейдок:

– Куда вы стреляли?

– В полковника Протеро.

– Я имею в виду, в какую часть тела?

– Ох... я... кажется, в голову. Да, в голову.

– Вы сомневаетесь?

– Я не вполне понимаю, зачем вам понадобилось спрашивать меня об этом.

Это была слабая попытка взбунтоваться. Снаружи послышался шум. Вошел констебль без шлема и принес письмо.

– Для викария. Сказали, что срочно.

Я вскрыл письмо и прочитал:

Прошу вас, умоляю, придите ко мне. Я не знаю, что делать. Все так ужасно... Я хочу кому-то рассказать. Прошу вас, приходите немедленно и приведите с собой кого-нибудь, кого хотите. Энн Протеро.

Я бросил на Мелчетта многозначительный взгляд. Он понял намек. Мы все вместе вышли из участка. Оглянувшись, я успел увидеть лицо Лоуренса Реддинга. Его взгляд был прикован к листку у меня в руке, и я впервые в жизни видел у человека такой жуткий, полный муки и отчаяния взгляд.

Я вспомнил, как Энн Протеро, сидя у меня на диване, сказала: «Я в безвыходном положении», и у меня сжалось сердце. Теперь я понял причину героического самопожертвования Лоуренса Протеро. Тем временем Мелчетт говорил Слаку:

– Вы получили сведения о передвижениях Реддинга в тот день? Есть основания считать, что он убил Протеро раньше, чем говорит. Займитесь этим, хорошо?

Он повернулся ко мне, и я молча протянул ему письмо Энн Протеро. Полковник прочитал его и изумленно приоткрыл рот. Затем вопросительно посмотрел на меня.

– Вы на это намекали утром?

– Да. Я сомневался, должен рассказывать или нет. Сейчас же я уверен. – И я рассказал ему о том, что видел вечером в студии.

Полковник перекинулся парой слов с инспектором, и мы отправились в Олд-Холл. Доктор Хейдок пошел с нами.

Дверь открыл исключительно учтивый дворецкий, мрачный ровно настолько, насколько ему надлежало.

– Доброе утро, – сказал Мелчетт. – Будьте любезны, попросите горничную миссис Протеро сообщить госпоже о нашем приходе и доложить ей, что мы хотели бы видеть ее, а потом вернитесь сюда и ответьте на несколько вопросов.

Дворецкий поспешил прочь и, вернувшись, сообщил, что хозяйке все передали.

– А теперь поговорим о вчерашнем дне, – сказал главный констебль. – Ваш хозяин в обед был дома?

– Да, сэр.

– Он был в обычном настроении?

– Да, насколько я видел, сэр.

– Что случилось потом?

– После обеда миссис Протеро ушла отдохнуть, а полковник удалился в кабинет. Мисс Леттис в двухместном автомобиле уехала играть в теннис. В четыре тридцать полковник и миссис Протеро пили чай в гостиной. На пять тридцать была заказана машина – они собирались ехать в деревню. Сразу после их отъезда позвонил мистер Клемент, – он поклонился мне. – Я сообщил ему, что они уехали.

– Гм, – произнес полковник Мелчетт. – А когда в последний раз здесь был мистер Реддинг?

– Во вторую половину дня вторника, сэр.

– Как я понимаю, между ними случилась размолвка.

– По всей видимости, сэр. Полковник отдал мне приказ о том, чтобы в будущем мистера Реддинга не пускали на порог.

– Вы подслушивали их ссору? – напрямик спросил полковник.

– Полковник Протеро, сэр, обладал очень громким голосом, особенно когда гневался. Я не мог не слышать, как они ссорятся, до меня долетали те или иные слова.

– Вам их было достаточно, чтобы уяснить причину ссоры?

– Как я понял, сэр, это имело отношение к тому портрету, который писал мистер Реддинг, – к портрету мисс Леттис.

Мелчетт всхрипнул.

– Вы видели, как мистер Реддинг уходил?

– Да, сэр. Я проводил его.

– Он был зол?

– Нет, сэр, я бы даже сказал, что он был приятно удивлен.

– О! А вчера он приходил сюда?

– Нет, сэр.

– А кто-нибудь приходил?

– Не вчера, сэр.

– А позавчера?

– Днем пришел мистер Деннис Клемент. Еще приходил доктор Стоун, пробыв здесь некоторое время. Вечером приходила одна дама.

– Дама? – удивился Мелчетт. – Кто такая?

Дворецкий не смог вспомнить ее имени. Он видел эту даму впервые. Да, она назвалась, и когда он сказал ей, что члены семьи ужинают, она сказала, что подождет. И тогда он проводил ее в малую гостиную. Она спрашивала полковника Протеро, а не миссис Протеро. Он передал это хозяину, и тот сразу после ужина пошел в малую гостиную.

Как долго та дама побыла в доме? Примерно полчаса, ответил дворецкий. Полковник самолично проводил ее до двери. Ох, да, он вспомнил ее имя. Даму звали миссис Лестрендж.

Это был сюрприз.

– Любопытно, – проговорил Мелчетт. – Очень любопытно.

Однако мы не стали обсуждать эту новость, так как нам сообщили, что миссис Протеро готова принять нас.

Энн лежала в кровати. Она была бледна, ее глаза лихорадочно блестели. Меня озадачило выражение на ее лице – своего рода мрачная решимость. Она заговорила, обращаясь ко мне:

– Благодарю вас за то, что пришли незамедлительно. Я вижу, что вы правильно поняли мои слова о том, чтобы вы взяли с собой кого-нибудь, кого сочтете нужным. – Она замолчала. – Лучше сразу перейти к сути, не так ли? – сказала она и улыбнулась странной, чуть трогательной улыбкой. – Полагаю, вы, полковник Мелчетт, – тот самый человек, кому я обязана все сообщить. Дело в том, что это я убила своего мужа.

– Моя дорогая миссис Протеро... – мягко произнес начальник полиции.

– О, все это истинная правда. Боюсь, я высказалась слишком прямолинейно, но я не склонна к истерикам по какому-либо поводу. Я давно ненавидела его и вчера убила. – Она откинулась на подушки и закрыла глаза. – Это всё. Полагаю, вы арестуете меня и увезете. Как только у меня появятся силы, я встану и оденусь. А сейчас мне очень плохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Героиня, известная своей покорностью мужу, терпением и стойкостью в испытаниях, чей образ переключался из фольклора в книгу Дж. Боккаччо «Декамерон».

2

Целибат – обет безбрачия.

3

Прит. 31:27.

4

Направление в англиканской церкви, выступающее за сохранение обрядности и иерархичности в противовес характерной для протестантизма тенденции сделать эти стороны церковной жизни как можно менее важными. Из-за этого часто воспринимается как тяготеющее к католичеству.

5

Объединенное общество распространения Евангелия – миссионерская организация англиканской церкви.

6

Общество мужчин англиканской церкви.

7

Окно во всю стену или в большую часть стены как в ширину, так и в высоту, фактически – гибрид окна и застекленной двери.

8

Радость жизни (фр.).

9

1Кор. 13:4-5.

10

Сокрушительный довод перед выходом из спора. Жизнь крылатой фразе дала кавалерийская тактика древнего народа парфян (хотя она применялась не только ими), которые при отступлении резко разворачивались и выпускали в противника тучу стрел.

11

«На мою жену не должна падать даже тень подозрения», – говорит Цезарь в его жизнеописании авторства Плутарха, разводясь со своей супругой Помпеей после того, как ее поклонник пытался увидеться с ней, – говорит, не разбираясь, отвечает ли она поклоннику взаимностью, и принимая во внимание только сам факт настойчивости поклонника (пер. К. Лампсакова и Г. Стратаковского). Отсюда «жена Цезаря» – женщина вне подозрений.

12

Рассеянным (фр.).

13

Здесь и далее: видимо, обращение «падре» (так именуют лишь католических священников, а местный викарий – англианин) следует отнести на счет творческой экзальтированности художника.

14

Король Англии, Шотландии и Ирландии в 1660–1685 гг.

15

Slack (англ.) – ленивый, вялый, слабый, расхлябанный.

Купить: <https://tellnovel.com/agata-kristi/ubiystvo-v-dome-vikariya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)